

Правительство Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

Программа основной подготовки магистратуры
«Международное частное право»
Направления «Юриспруденция»

**Международно-правовая охрана произведений,
созданных искусственным интеллектом**

Выпускная квалификационная работа
студентки 2 курса магистратуры
группы МЧП 20.М08-ю
очной формы обучения
Сорокиной Марии Сергеевны

Научный руководитель:
доктор юридических
наук
Бахин Сергей Владимирович

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Международно-правовые проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта.	4
§1. Понятие и природа искусственного интеллекта	4
§2. Проблемы международной правосубъектности искусственного интеллекта	13
§3. Унификация и гармонизация правового регулирования в сфере использования искусственного интеллекта.	18
Глава 2. Теоретико-правовые подходы к международно-правовой охране произведений, созданных искусственным интеллектом.	29
§1. Сравнение творческого вклада естественного и искусственного интеллекта	29
§2. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые искусственным интеллектом.....	36
§3. Критерии охраны произведений, созданных искусственным интеллектом.	43
§4. Содержание авторского права на объекты интеллектуальной собственности, созданные искусственным интеллектом.	50
Глава 3. Оценка выработанных предложений о международно-правовой охране произведений, созданных искусственным интеллектом, принятых в рамках дискуссии ВОИС.	55
Заключение	68
Библиографический список	72

Введение

Развитие науки и техники двадцатого и двадцать первого столетия происходит в геометрической прогрессии, принося качественные преобразования во все сферы человеческой жизни. Венцом творения научно-технического прогресса XXI века можно по праву считать повсеместное внедрение технологии искусственного интеллекта. Данная область человеческих знаний вобрала в себя достижения целого ряда дисциплин: информатики, математики, статистики, кибернетики, а также философии, психологии и искусства. В свою очередь, юриспруденция активно изучает искусственный интеллект, в особенности со стороны правовой регламентации его использования. Именно поэтому для правовой науки чрезвычайно актуальным становится вопрос выработки единого понятийно-категориального аппарата применительно к искусственному интеллекту, а также определить его правовую природу. Считаем, что популяризация искусственного интеллекта и его динамичное развитие бросают новые вызовы для правового признания и регулирования технологий, научного прогресса, а также охраны интеллектуальных прав на результаты творчества искусственного интеллекта на международном и национальном уровнях.

Цель работы заключается в оценке выработанных предложений о международно-правовой охране произведений, созданных искусственным интеллектом, принятых в рамках дискуссии ВОИС.

Для достижения цели выделяются следующие задачи работы:

1. Определить понятие, природу искусственного интеллекта, правовой статус искусственного интеллекта, а также степень разработанности нормативного правового регулирования в сфере интеллектуального права и искусственного интеллекта;
2. Выделить объекты интеллектуальной собственности, создаваемые искусственным интеллектом, и критерии их правовой охраны;
3. Установить содержание авторского права на объекты

интеллектуальной собственности, созданные искусственным интеллектом.

Объектом научно-исследовательской работы являются правоотношения в условиях развития цифровых технологий, связанные с правовой регламентацией использования произведений, созданных искусственным интеллектом.

Предмет исследования составляет правовое регулирование технологии искусственного интеллекта на международном и национальном уровне, правовые проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта, а также теоретико-правовые подходы к международно-правовой охране произведений, созданных искусственным интеллектом.

Методология исследования включает поиск, изучение и анализ имеющихся публикаций, научных трудов и иной литературы по тематике исследования, материалов судебной практики по рассматриваемому вопросу. В процессе исследования использованы общенаучные методы научного познания, включая диалектический, исторический, логический, метод системного и элементарного анализа, репродуктивный и конструктивный синтез, дедукция, индукция. Частнонаучные методы, используемые для исследования проблематики, представляют собой формально-юридический и сравнительно-правовой метод, а также метод аналогии и правового моделирования.

Глава 1. Международно-правовые проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта.

§1. Понятие и природа искусственного интеллекта

Мы полагаем, что невозможно начать изучение поставленного вопроса без небольшой исторической справки. Так термин «Искусственный Интеллект» или «программа со здравым смыслом» был впервые введён в употребление в 1956 году профессором в области информатики Джоном МакКарти на научной конференции в г. Дортмунде. В его работе «Программы со здравым смыслом» Д. МакКарти акцентирует свое внимание на понимании искусственного

интеллекта как с логической и математической точки зрения, как науку и технологию по созданию интеллектуальных машин и «умных» компьютерных программ. В его работе говорится, что «программа обладает здравым смыслом, если она способна автоматически генерировать мгновенные последовательности решений из заданного или известного ей алгоритма»¹. То есть, иными словами, искусственный интеллект как программа генерирует цепь последовательных решений исходя из заданных алгоритмов и тех, которые может сгенерировать самостоятельно. Это подталкивает нас на мысль о том, что искусственный интеллект обладает таким важным признаком как самообучаемость.

Представляет интерес авторское доктринальное определение, которое рассматривает искусственный интеллект как искусственно сложную кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная систему с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными доступными вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия². Тем самым, выведено заключение, согласно которому в основе алгоритмов искусственного интеллекта лежит аналогия с нервной системой человека (нейросети и нейротехнологии). Однако весьма новым признаком искусственного интеллекта, выделяемым в доктрине, и представляющим интерес для правовой науки, является свойство автономности и субстантивности, то есть возможность выступать как интеллектуальный агента³.

П.М. Морхат под искусственным интеллектом понимает полностью или частично автономную самоорганизующуюся компьютерно-аппаратно-программную систему⁴. Автор отмечает, что искусственный интеллект может быть виртуальным, то есть вне связи с материальным носителем,

¹ V. Lifschitz. Formalizing Common Sense: Papers by John McCarthy. 1990. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/82689332.pdf> (дата обращения: 04.03.2020).

² И.В. Понкин, А.И. Редькина. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. №1. С. 94.

³ Там же. С. 95.

⁴ П.М. Морхат. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта: гражданско-правовое исследование: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 69.

киберфизическим, а также биокибернетическим, обладать способностью мыслить, анализировать и принимать самостоятельные решения.

Нельзя не отметить вклад Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее по тексту – ВОИС) в построении политики в области искусственного интеллекта. Дискуссия под эгидой ВОИС об интеллектуальной собственности и искусственном интеллекте впервые стартовала в сентябре 2019 года и крайний раз проводилась 4 ноября 2021 года, учитывая все замечания участников дискуссии за два предшествующих раунда. Итогом дискуссии является Проект концептуального документа по вопросу влияния искусственного интеллекта на политику в области интеллектуальной собственности. На официальном сайте ВОИС в сети Интернет можно ознакомиться с резюме последних обсуждений⁵.

Согласно определению, в рамках вышеупомянутой дискуссии⁵, под искусственным интеллектом в широком смысле понимается «отрасль информатики, главной задачей которой является создание систем и машин способных к выполнению задач, которые считаются требующими участия человеческого разума, при ограниченном вмешательстве человека или вообще без такого вмешательства». В узком смысле искусственный интеллект понимается как система и программа, призванная решать индивидуальные задачи. Среди основных техник искусственного интеллекта традиционно выделяются две категории – глубокое обучение (deep learning) и машинное обучение (machine learning). Тем самым, в указанных понятиях подчеркивается несомненная техническая природа искусственного интеллекта и самостоятельность.

Для разработки исследований в сфере искусственного интеллекта ВОИС привлекает максимальное число специалистов из разных стран. Так, для

⁵ Summary of Conversation on Intellectual property (IP) and Artificial Intelligence (AI), organized by the World Intellectual Property Organization (WIPO). 27.09.2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_ai_ge_19/wipo_ip_ai_ge_19_inf_4.pdf (дата обращения: 12.03.2022); Summary of Conversation on Intellectual property (IP) and Artificial Intelligence (AI), organized by the World Intellectual Property Organization (WIPO). 4.11.2020. URL: https://www.wipo.int/about-ip/en/artificial_intelligence/conversation.html (дата обращения: 12.03.2022).

участия в дискуссии приглашается любой желающий, кто готов поделиться своим разработками в этом вопросе. С этой точки зрения следует положительно оценить активную работу ВОИС в попытках концептуальных разработках регулирования искусственного интеллекта⁶.

В законодательстве Российской Федерации термин «искусственный интеллект» введен сравнительно недавно, в рамках введения экспериментального правового режима⁷, и с принятием ряда нормативных правовых актов: Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ. Термины в указанных нормативных актах тождественны друг другу, только Закон помимо прочего апеллирует понятием «технологии искусственного интеллекта», который мы приведем ниже.

В п. 2 ст. 2 указанного Закона N 123-ФЗ приводится следующее понятие искусственного интеллекта: это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»⁸. Из нормативного

⁶ Доклад ВОИС 2019 из серии «Тенденции развития технологий». Краткое изложение. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1055_exec_summary.pdf (дата обращения 17.10.2020). Режим доступа: официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности.

⁷ Ю.Б. Носкова Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций как способ интеграции национальной экономики Российской Федерации в мировое экономическое пространство / Ю.Б. Носкова, Н. М. Лупашко // Herald of the Euro-Asian law congress. 2020. №1. С. 45.

⁸ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года"): указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490. URL: <http://www.consultant.ru>. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ: федер. закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

понятия мы осознаем схожий смысл и тот же признак, которые раскрывал в вышеназванной работе Д. МакКарти: самообучаемость. Помимо этого, из нормативного понятия можно выделить такие признаки искусственного интеллекта, как комплекс технологических решений; имитация когнитивных функций человека; сопоставимость полученных результатов с результатами интеллектуальной деятельности человека; цель использования – выполнение конкретных задач, поставленных разработчиком. Полагаем, что это узкое толкование природы искусственного интеллекта. То есть законодатель в этом случае ориентируется на практическую функцию искусственного интеллекта, призванного облегчать жизнь общества, что и следует из систематического толкования нормативно-правового акта.

П. 3 ст. 2 Закона N 123-ФЗ гласит: «технологии искусственного интеллекта представляют собой такие технологии, которые основаны на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта). В этом понятии законодатель путем перечисления раскрывает, что относится к технологиям искусственного интеллекта. Перечень является закрытым, и исходя из ст. 3 рассматриваемого закона мы можем предположить, что указанные технологии искусственного интеллекта применяются в обозначенной законом сфере человеческой деятельности, в том числе в городской среде. Тем самым, приведенный в ст. 2 перечень актуален только в контексте применения Закона N 123-ФЗ.

Предприняты попытки создания комплексного нормативного акта, раскрывающего понятия роботов и искусственного интеллекта. Речь идет о разработке Исследовательским центром регулирования проблем робототехники и искусственного интеллекта Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, разработанной Исследовательским центром регулирования проблем робототехники и искусственного интеллекта. Указанная модельная конвенция устанавливает

статус субъектов и объектов робототехники, однако конвенция не различает роботов и искусственный интеллект.

В свою очередь, ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 различает категории «разумный робот», «робот с элементами искусственного интеллекта» и «обычного промышленного робота». Приведенная терминология указывает на то, что искусственный интеллект обладает автономностью и может существовать отдельно от своей материальной формы – машины. В этой связи интерес вызывает такой отличительный признак искусственного интеллекта от робота как наличие мышления или его отсутствие⁹. При раскрытии поставленного вопроса ГОСТ Р 60.0.0.2-2016 пункт 3.23 и 3.24 указывают на то, что искусственный интеллект является моделируемой (искусственно воспроизводимой) интеллектуальной деятельностью мышления человека. Само мышление представляет собой психофизиологические процессы работы мозга оператора, в том числе относящиеся к внутренней речи, памяти, функциональным психическим чувственным состояниям, обеспечивающие осуществление мыслительной деятельности с инициированием естественно-интеллектуальных, гибридно-интеллектуализированных, искусственно-интеллектуальных человек информационных взаимодействий.

Ряд специалистов в области права и технических наук объединяют свои усилия для разработки Цифрового кодекса РФ. Особый интерес в этой теме вызывают научные разработки В.В. Архипова и В.Б. Наумова с их предложением о дополнениях в Гражданский кодекс РФ¹⁰. Здесь заслуживает внимание следующее авторское определение: «робот» представляется как устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека».

На данный момент в специальной литературе наиболее часто

⁹ В.А. Лаптев. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. 2019 №2. С. 84.

¹⁰ В.В. Архипов, В.Б. Наумов. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 52.

рассматривается следующая дискуссия: как определить правовую природу искусственного интеллекта и, отталкиваясь от этого, какую правовую охрану ему предоставить, авторско-правовую или же патентную? В рамках настоящей дискуссии хотелось бы обратить внимание на следующие нормативно-правовые положения.

В международном регулировании сама технология искусственного интеллекта зачастую рассматривается по аналогии с уже охраняемым объектами интеллектуальной собственности, – компьютерными программами для ЭВМ. По этому поводу есть следующее нормативное регулирование.

По Договору ВОИС об авторском праве от 20 декабря 1996 года (далее – ДАП)¹¹ компьютерные программы и базы данных защищены авторским правом по смыслу ст. 2 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. Такая защита распространяется на компьютерные программы, каким бы ни был способ или форма их выражения. Важным критерием по ст. 5 ДАП для охраны по авторскому праву является элемент интеллектуального творчества, который должен присутствовать в объекте. Ранее мы рассматривали, что в какой-то степени искусственный интеллект уподоблен человеческому мышлению и может самообучаться. Тем не менее, для признания искусственного интеллекта субъектом авторского права требуется соответственно признания за ним правосубъектности. Однако в настоящее время такая перспектива не спешит исполниться и оспаривается в научных кругах.

Несмотря на то что Российская Федерация не является участницей Европейской патентной конвенции, апелляционными советами патентного ведомства представлена достаточно интересная позиция, требующая нашего внимания¹². Так, изобретениями не могут считаться открытия, научные теории

¹¹ Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. Вступил в силу 6 марта 2002 г. // Официальная публикация ВОИС №226 (R). Женева, 1997.

¹² V. Talimonchik. The Prospects for the Recognition Legal Personality of AI. 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.83565> (дата обращения 12.11.2020).

и математические методы, эстетические творения, схемы, правила и методы выполнения умственных действий, игры или ведения бизнеса, а также программы для компьютеров и представления информации. Таким образом, способ или программа сами как таковые не могут служить объектом патентных прав. Такая возможность есть у технических устройств, которые служат их материальным воплощением.

Нам представляется, что для решения указанной дискуссии и разработки понятия искусственного интеллекта необходимо провести классификацию столько сложного и на настоящий момент не до конца изученного объекта искусственного интеллекта. Более широкая на наш взгляд классификация предполагает, как минимум, деление искусственного интеллекта по сферам применения и целям его использования. Например, военно-промышленные технологии, естественные науки, медицина, образование, лингвистика, эстетическое и бытовое использование. Но такая классификация дает нам лишь общее понимание того, как многогранен может быть искусственный интеллект и как полезен для человека. Поэтому здесь не обойтись без научных трактовок, которые поспособствуют выделению категорий искусственного интеллекта с точки зрения технической сложности его алгоритмических кодов.

К примеру, авторы специальной литературы делят искусственный интеллект на «узкий», «общий» и «суперискусственный интеллект», в порядке от легкой системы алгоритмов к более сложной.

Таким образом, нами были сделаны выводы необходимости проведения классификации искусственного интеллекта для наиболее точной разработки правового регулирования по применению разработок искусственного интеллекта.

Обобщая вышесказанное и разрешая задачи, поставленные перед нами в данной работе, нами были сделаны следующие выводы к вопросу о понятии и правовой природе искусственного интеллекта.

Во-первых, стоит сказать, единое понимание искусственного интеллекта

среди исследователей и законодателей отсутствует. Если же и есть общие черты в научной литературе терминологии, то стоит отметить такое явление: термин «искусственный интеллект» зачастую употребляется ко всем технологиям искусственного интеллекта в общеупотребительном значении, не учитывая особенностей. Нами предполагается, если законодатель пойдет по пути «общей терминологии» применительно к искусственному интеллекту, правовые вопросы его использования останутся нерешенными. Придём к выводу, что для каждого вида искусственного интеллекта требуется понятие с характерным для него набором признаков и с учетом применения искусственного интеллекта в той или иной области для решения различного рода задач. Выделение отдельных категорий искусственного интеллекта должно повлечь за собой соответствующее различное нормативно-правовое регулирование. От этого будет зависеть решение ряда правовых вопросов о природе искусственного интеллекта, его правосубъектности, ответственности, правового режима охраны объектов, созданных искусственным интеллектом, и многое другое. Разработка законодательного подхода к урегулированию вопросов применения искусственного интеллекта требует детального уточнения природы разных видов искусственного интеллекта.

Во-вторых, из приведенных в работе формулировок понятия «искусственный интеллект» можно выделить следующие существенные признаки анализируемого объекта:

- 1) комплекс технологических решений;
- 2) имитация когнитивных функций человека;
- 3) самообучаемость;
- 4) автономность;
- 5) субстантивность;
- 6) сопоставимость полученных результатов с результатами интеллектуальной деятельности человека;
- 7) цель использования – выполнение конкретных задач, поставленных разработчиком.

В-третьих, рассматриваемый вопрос нашел свое отражение в нормативных правовых актах, документах международных организаций по-разному. Главным образом он представлен дискуссией ВОИС, которая ведет активную работу по разработке единого понимания искусственного интеллекта в праве. Несмотря на предпринимаемые попытки мирового сообщества по разработке регулирования вопросов применения искусственного интеллекта, правовая регламентация искусственного интеллекта предстает перед нами в самом общем виде, либо по аналогии с известными и схожими объектами права. По этой причине содержание действующих нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы искусственного интеллекта, не имеют обязательного характера на универсальном уровне.

§2. Проблемы международной правосубъектности искусственного интеллекта

Прежде всего необходимо отметить, что вопрос о международно-правовой правосубъектности как таковой не разрешается однозначно в юридической науке. Понятие «правосубъектность» ни на национальном, ни на международном уровне не находит своего законодательного закрепления, потому содержание термина зависит от научных подходов к его пониманию и правовой традиции того или иного государства.

В данной работе будет использоваться понятие правосубъектность, разработанное общей теорией права, и наиболее ярко прослеживающийся в странах континентального права. Как основополагающая правовая категория правосубъектность предполагает обусловленную нормами права способность (возможность) лица иметь и самостоятельно осуществлять юридические права и обязанности, что, в свою очередь, позволяет лицу вступать в правоотношения и быть их субъектом. Содержание правосубъектности раскрывается через ее элементы: правоспособность и дееспособность. В теории права третьим элементом правосубъектности может выступать деликтоспособность.

В этой связи в контексте данного параграфа будут анализироваться

концепции, предложенные теоретиками права разных государств, о наличии правосубъектности искусственного интеллекта, принимая общетеоретическое понятие правосубъектности.

На законодательном уровне попытка разрешения вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта была предпринята в Резолюции Европейского Парламента от 16.02.2017 о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники (далее – Резолюция 2017 года)¹³. Главным образом Резолюция разрешает вопросов о деликтоспособности роботов, то есть о гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный машинным интеллектом. Ключевым принципом об ответственности робота, воспринятым Конвенцией 2017 года, является

«ответственность индивида за действия (бездействие) робота». Различают (1) объективную ответственность индивида независимо от наличия вины при наличии причинно-следственной связи между действиями (бездействием) робота с действиями (бездействием) индивида, которые повлекли за собой причинение вреда; (2) принцип управления рисками, при котором ответственность за действия (бездействие) робота возлагается на то лицо, которое имело возможность предвидеть негативные последствия и предпринять необходимые действия для минимизации рисков причинения вреда и наступления опасных последствий.

Итак, разрешение вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта в научной литературе представлен по-разному.

В первую очередь, обширная группа исследователей не рассматривает искусственный интеллект в качестве субъекта права, что, соответственно, исключает наличие у него правосубъектности. Подход так называемого «отрицания правосубъектности искусственного интеллекта» сводится к тому, что право является продуктом человеческого разума, миропонимания и мироощущения. И в первую очередь формирование нормативных правил было

¹³ Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA (2017)005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html

связано со способностью человека чувствовать, осознавать, иметь умыслы и побуждения. Двигаясь от обратного, исследователи, которые выступают против наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, приводят так называемые «аргументы отсутствия», то есть понятия, которыми обладает только человек и не может обладать искусственный интеллект, даже способный имитировать нейронные связи мозга человека и его поведение. Так, исследователь данного вопроса В.Л. Солум выделяет следующие «аргументы отсутствия» («The Missing-Something Argument») существенных качеств личности:¹⁴ отсутствие у искусственного интеллекта души, сознания, намеренности, свободной воли, чувств и интересов. Первые два аргумента мало имеют отношения к юриспруденции в современном плюралистическом обществе. В то время как следующие четыре аргумента вполне имеют вес для обоснования того, почему искусственный интеллект не может быть носителем субъективных прав. Тем самым, если искусственный интеллект не отождествим с человеком как личностью, обладающей сознанием и волей, значит, правосубъектностью искусственный интеллект обладать не может.

Следующая концепция, которая хоть и отрицает наличие правосубъектности искусственного интеллекта, но предлагает свое разрешение вопроса, является так называемая концепция «робот-объект»¹⁵, предложенная в работе А.В. Назимова и В.Б. Наумова. В представлении исследователей искусственный интеллект является объектом робототехники, в то время как субъектами правоотношений в данной сфере выступают привычные для концепции общей теории права и действующего законодательства субъекты права: физические лица (разработчики, исследователи, собственники, пользователи), юридические лица (производители, финансирующие организации), органы государственной власти. Таким образом, робот не является автономным объектом, не наделен правами и обязанностями, однако

¹⁴ Solum, В.Л. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992 Volume 70. № 4. S. 1265.

¹⁵ А.В. Незнамов, В.Б. Наумов Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. №2. С. 70, 71.

в данной концепции в малой степени разрешается вопрос возложения ответственности за действия робота.

Общеправовой режим для регулирования искусственного интеллекта предлагается некоторыми учеными в силу разнообразия систем с искусственным интеллектом. В то время специалисты все еще не сошлись на едином мнении о характере правового регулирования искусственного интеллекта, предлагается создание общего правового режима, распространяемого на все подобные системы, с разрешением вопроса об основных требованиях к разработке систем и с искусственным интеллектом и требования к их безопасному использованию¹⁶. Вместе с тем критическим моментом в данном подходе остается то, что уравнивание всех сфер применения искусственного интеллекта, начиная от здравоохранения и заканчивая оказанием потребительских услуг, на законодательном уровне может привести либо к недостаточной оценке всех рисков.

Определяя возможность правосубъектности искусственного интеллекта и объем его прав и обязанностей, не стоит упускать из внимания различность объектов искусственного интеллекта между собой в зависимости от их функционала и способностей (самообучение, когнитивные способности, мера автономности, экспектативной субъектности)¹⁷. Представляется, именно с учетом таких аспектов должно определяться правовое положение объектов с искусственным интеллектом. Таким образом, вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта не может быть универсальным для каждого объекта с искусственным интеллектом.

Проблема наделения искусственного интеллекта правосубъектностью фундаментально сводится к тому, что искусственный интеллект как лицо не укладывается в юридические концепции лиц в праве. Именно для решения этой фундаментальной задачи исследователями был выдвинут так называемый машиноцентрический концепт.

¹⁶ И.В. Понкин, А.И. Редькина. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 98.

¹⁷ Там же. С. 96.

Машиноцентрический концепт вводит понятие «юнита искусственного интеллекта», наделяя его статусом субъекта права.

При данном концепте юнит наделяется и правами, и обязанностями, что особенно подчеркивает его автономность от создателя или владельца, и является предпосылкой для его самостоятельного вступления в правоотношения¹⁸. Помимо этого, подчеркивается такое свойство искусственного интеллекта, как независимость и автономность управления, самообучаемость и способность генерирования нестандартных решений в рамках заложенного алгоритма. Последователи данного концепта также придерживаются логики, что сознание субъекта не является обязательным условием для наличия у него правосубъектности по аналогии с малолетними детьми, лицами, ограниченными в дееспособности и лицами в бессознательном состоянии¹⁹. В том числе, при таком подходе может быть разрешен вопрос о праве авторства искусственного интеллекта на созданные им произведения, однако со своими нюансами.

Заслуживает внимания концепт искусственного интеллекта как юридического лица, основанная на квазисубъектности юридического лица. Концепт основан на аналогии правового статуса юридического лица и сохраняет основную идею о том, что за действия юридического лица отвечает уполномоченное им физическое лицо.

Ввиду того, что уже не один десяток лет не был дан ответ на вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта, ряд зарубежных ученых, не найдя ответов на свои вопросы в современном законодательстве, обратились к правовым категориям римского права²⁰.

Некоторые исследователи предположили, что будущих сознательных роботов можно рассматривать в той же категории и статусе, что и рабов в

¹⁸ E.M. Weitzenboeck E.M. Electronic Agents and the Formation of Contracts // In: International Journal of Law and Information Technology, 2001. Vol. 9. № 3. P. 14.

¹⁹ П.М. Морхат Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 64.

²⁰ Oleksiewicz I., Mustafa E.C. From Artificial Intelligence to Artificial Consciousness: Possible Legal Bases. For the Humanrobot Relationships in the Future / I. Oleksiewicz, E.C. Mustafa // International Journal of Advanced Research. 2019. №. 3 (7). URL: 10.21474/IJAR01/8629 (дата обращения 20.02.2020).

Древние времена. Согласно этой точке зрения, нормы древнеримского права о рабстве предлагаются в качестве правовой основы для предоставления роботам юридической ответственности. В долгосрочной перспективе можно сказать, что решения, основанные на равенстве, окажутся более разумными, и для человечества было бы экзистенциальной проблемой поставить будущие отношения между человеком и роботом на надлежащую правовую основу.

Таким образом, нами были рассмотрены основные теоретические концепты о возможности наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, а также имеющиеся на данный момент рекомендации к реформированию законодательства.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить неготовность науки и законодательства к наделению искусственного интеллекта правосубъектностью. Такой вывод связан с наличием риска трансформации и искажения юридических категорий, таких как «субъект права», «правовое положение», «право- и дееспособность лица». Не факт, что введение концепции «электронного лица» внесет ясность в законодательство и правоприменительную практику.

Полагаем, что приведенные концепты еще не отличаются детальной проработкой, содержат в себе неоднозначные выводы и требуют доработки с дальнейшим обсуждением в научных кругах, а также законодателями и правоприменителями.

§3. Унификация и гармонизация правового регулирования в сфере использования искусственного интеллекта.

В первом параграфе первой главы мы затрагивали тему правового регулирования применения искусственного интеллекта в России через призму закрепления легального определения искусственного интеллекта в национальных подзаконных актах.

Перед тем как перейти к изучению унификации и гармонизации правового регулирования предлагаем раскрыть этот вопрос следующим образом:

рассмотреть основные проблемы, стоящие перед законодателем; дать характеристику сложившемуся на данный момент международно-правовому регулированию использования технологий искусственного интеллекта; указать специфику национального регулирования; дать оценку правового сближения права в изучаемой сфере.

Стоит констатировать, законодательная база не поспевает за темпами технического прогресса современного мира. Мы вынуждены согласиться с тем, что необходимость создания нормативно-правового базиса есть, и с каждым годом эта проблема становится только острее. В первую очередь, отмечается необходимость закрепить понятие и основные признаки, которым должен отвечать искусственный интеллект, принципы его создания и эксплуатации, правовой статус самих разработок и объектов, ими создаваемых, а также установить ответственные государственные органы по контролю и надзору в сфере использования искусственного интеллекта²¹.

Исследователи, изучающие данный вопрос, отмечают необходимость в разработке комплексного правового регулирования²². Связно это с тем, что искусственный интеллект охватывает ряд смежных технологий, благодаря которому он может успешно функционировать, а использование искусственного интеллекта внедряется в разные области человеческой жизни, что предопределяет необходимость межотраслевого регулирования. Более того, сами исследования в области искусственного интеллекта отличаются междисциплинарным характером, находясь на стыке наук: технических и гуманитарных. И наконец, сочетание социальных и технических механизмов управления социальными процессами вызвано реализацией стратегических целей государства²³.

Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба, оценив широкомасштабную роботизацию,

²¹ В.В. Архипов, В.Б. Наумов. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. N 6 (55). С. 48.

²² С.В. Никитенко. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 2. Том 1. С. 4.

²³ Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. Москва: Проспект, 2019. С. 3.

предложили рассмотреть «юридическую концепцию роботизации»²⁴. Данная концепция сочетает в себе юридические и технические регулятивные инструменты, которые направлены на разработку различных вариантов статусов субъекта права, режимов функционирования роботов. Помимо этого, юридическая концепция строится с учетом влияния роботизации на элементы системы права и процессы государственного управления.

Н.С. Бондарь на этот счет добавляет, право, как регулятор технологических процессов, должно «определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий»²⁵.

Вместе с тем, наиболее интересным представляется то, что исследователи вопроса говорят не только о важности разработки правового регулирования в условиях новых технических реалий общества, но также и отмечают сложности, с которыми сталкивается общественное мышление в процессе роботизации²⁶. К одной из очевидных причин столь медлительного перестроения общественного мышления по мнению Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба, может послужить его консерватизм²⁷.

Консерватизм мышления как общую проблему реформирования законодательства называет и А. Буркова²⁸. Исследователь отметила, что введение нового нормативного регулирования к технологиям искусственного интеллекта должно проходить осторожно. Постепенное движение позволит стимулировать введение новых технологий в рыночную экономику, а также избежать чрезмерного и избыточного регулирования, сделав законодательство не гибким и требующим постоянного внесения изменений. В этой связи перед законодателем стоит задача не препятствовать научно-техническому прогрессу, а создать такие правовые механизмы, которые будут способствовать легальному

²⁴ Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. Москва: Проспект, 2019. С. 3

²⁵ Н.С. Бондарь. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 28.

²⁶ Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. Указ. Соч. С. 39.

²⁷ Там же.

²⁸ А. Буркова. Использование искусственного интеллекта: нужно ли регулирование? // Право и экономика. 2018. N 9. С. 5.

использованию технологий искусственного интеллекта, понятному для всех участников правоотношений.

В дополнение к вышеуказанной проблеме консерватизма и предлагаемым задачам для ее решения стоит упомянуть Концепцию поэтапной цифровизации правовой системы, разработанную Департаментом проектной деятельности Правительства Российской Федерации. Согласно проекту, первый этап цифровизации правовой системы нацелен на выявление «устаревших, неработающих, а также неэффективных и неоднозначных норм» во всем массиве законодательного и подзаконного нормативного регулирования. Цель первого этапа достигается как путем корректировки конкретных норм, так посредством разработки общих рекомендаций по согласованному нормотворчеству²⁹.

В качестве других проблем для создания нормативного регулирования называется, во-первых, неготовность человека к принятию последствий роботизации, таких как автоматизация технических процессов, вытеснение человеческого труда, цифровизация документооборота³⁰. И действительно, еще с конца прошлого столетия в профессиональных сообществах начинали возникать дискуссии по поводу надвигающейся замены человека роботами. Однако стоит заметить, что как тогда, так и сейчас, возможность вытеснения человека роботами не находит стопроцентного подтверждения. Пока роботы не являются полностью автономными, человеческому капиталу не грозит проблема замещения. Все же отметим, что подобное развитие событий все еще остается сюжетом художественных произведений области фантастики.

Во-вторых, скептическое отношение к роботизации также не позволяет открыто и широко развивать идею по законодательному регулированию сферы использования искусственного интеллекта³¹. Скептики оценивают такую возможность как преждевременную и находят искусственный интеллект еще

²⁹ Судебный процессор. Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере / Коммерсантъ [портал]. 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3466185> (дата обращения 18.11.2020).

³⁰ Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. Москва: Проспект, 2019. С. 39.

³¹ Там же.

недостаточно безопасным и развитым для того, чтобы можно было обсуждать его правовой статус и устанавливать специальные правовые режимы по его использованию.

В-третьих, следует учитывать факторы, не позволяющие подойти к вопросу регулирования комплексно. К ним относятся: ригидность сложившегося законодательного регулирования, социально-экономические последствия введения новых правовых режимов, защита персональных данных, этика использования искусственного интеллекта³².

Вместе с тем из всех известных нам технологий искусственного интеллекта наиболее нормативному регулированию подверглись беспилотные автомобили. Транспорт и путесоборение являются быстроразвивающейся сферой применения искусственного интеллекта, что вполне сходится с исторической картиной мира развития общества. Ведь во многом революция на транспорте двигала технических прогресс на многие десятилетия вперед. Кроме того, в таких странах как США, Великобритании и Германии вопросу использования беспилотных транспортных средств было уделено достаточное внимание на первых порах использования данной технологии в повседневной жизни. Эти государства одними из первых в мире приняли ряд законодательных инициатив, устанавливающих правовой режим применения автономного транспорта на дорогах общего пользования, определяющих субъекта ответственности за управление беспилотным автомобилем и распределение страховых рисков за ущерб от аварии. В Российской Федерации законодатель пока установил запрет на использование беспилотных автомобилей на дорогах общего пользования до 2024 года. Однако в статью 8 Воздушного кодекса Российской Федерации были внесены изменения Федеральным законом от 30.12.2015 N 462-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части использования беспилотных воздушных судов», касающиеся введения обязательной государственной сертификации беспилотных

³² С.В. Никитенко. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития. Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 2. Том 1. С. 5.

авиационных систем и (или) их элементов, но не всех, а с определенными исключениями.

Самыми продвинутыми в разработке правового регулирования технологий искусственного интеллекта оказались такие страны как Германия, Южная Корея, КНР, ОАЭ и США³³. Перечисленные государства одними из первых предприняли попытки нормативного ответа и стратегического планирования на технологические вызовы современного мира.

Однако Российская Федерация не отстает от мировой тенденции, также уделяя внимание прогрессивным технологиям. Стоит упомянуть следующие акты, связанные с регулированием использования технологий искусственного интеллекта. К ним относятся:

1. Федеральный закон от 24.02.2020 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте российской федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

Региональный нормативный правовой акт устанавливает экспериментальный режим в г. Москве для попытки введения специального правового регулирования для дальнейшей разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта. Срок проведения специального режима установлен с 01.07.2020 по 01.07.2025 (пять лет). Закон раскрывает понятийно-категориальный аппарат, цели, задачи и принципы, а также полномочия государственных органов и участников специального режима.

2. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года».

Составители Концепции учитывают, «правовой режим результатов

³³ С.В. Никитенко. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Том 1. №2 (98). С. 154.

интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем искусственного интеллекта является одним из направлений регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники.»

Отметим, что интересующая нас сфера интеллектуальной собственности названа в Концепции в рамках общеотраслевых задач регулирования применения технологий искусственного интеллекта и робототехники. В этой связи особенно выделяется задача совершенствования порядка охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности. Согласимся с составителями концепции в том, что «неохраноспособность результатов деятельности, полученных с использованием систем искусственного интеллекта и робототехники, может дестимулировать разработку и внедрение таких систем». Однако концепция ставит больше вопросов, нежели чем дает на них ответы или предлагает конкретные правовые механизмы.

Второй немаловажной задачей для нашего исследования Концепция отмечает разработку нормативных правовых актов в сфере искусственного интеллекта и робототехники на международном уровне. Для решения этой задачи авторы Концепции настаивают на «активном вовлечении представителей Российской Федерации в разработку международных документов в сфере искусственного интеллекта и робототехники, прежде всего в Организации экономического сотрудничества и развития, Совете Европы, Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждениях».

3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Указ утверждает Национальную стратегию (далее – Стратегия) развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Заинтересованными лицами в продвижении и развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации названы Роскосмос и Минэкономразвития РФ.

Стратегия является базой для составления на ее основе государственных программ и других планово-целевых документов.

В Стратегию включен понятийно-категориальный аппарат, которые

вошли в Федеральный закон от 24.02.2020 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте российской федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», а также цели и задачи развития искусственного интеллекта.

Стратегия интересна тем, что в ней дается краткая историческая сводка этапов развития искусственного интеллекта в России и мире, обозначает виды искусственного интеллекта: слабый и сильный, определяя основные характеристики каждого из них, и ставит своей основной задачей, помимо прочих, «создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта». Предполагаем, что указанные сведения являются предпосылкой к дифференциации технологий искусственного интеллекта для упрощения дальнейшего правового регулирования.

4. Приказ Минэкономразвития от 29.06.2021 № 392 «Об утверждении критериев Определения принадлежности проектов к проектам в сфере Искусственного интеллекта».

Утвержденные критерии были разработаны для предоставления субсидии из федерального бюджета на поддержку НКО «Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий пилотных проектов апробации технологий искусственного интеллекта в приоритетных отраслях», однако являются немаловажными инструментами для дифференциации технологий искусственного интеллекта и определения наиболее передовых проектов с использованием данной технологии для широкого внедрения в экономические отношения.

Критерий предмета проекта, базовой техники проекта и критерий результата реализации проекта являются ключевыми для определения принадлежности определенного проекта к проектам в сфере искусственного интеллекта.

Однако нами было отмечено, что сфера творческой деятельности не относится к базовым технологическим задачам, которые выполняются искусственным интеллектом. Таким образом, искусственный интеллект в сфере искусства и творческой деятельности не рассматривается в качестве проекта сферы искусственного интеллекта, имеющего права на предоставления его создателям субсидии из федерального бюджета в соответствии с разработанными критериями.

Вместе с тем на данный момент состояние нормативного регулирования на национальном и международном уровне можно оценить как неполное, фрагментарное и противоречивое³⁴. Исследователи отмечают такие пробелы в регулировании как отсутствие общего понятия и признаков искусственного интеллекта при разнообразии его видов, явные противоречия точек зрения в вопросе правосубъектности искусственного интеллекта и, как следствие, выборочное установление ответственности за вред, причиненный технологиями с использованием искусственным интеллектом.

Пробелы в нормативном регулировании разрешаются зачастую по так называемой аналогии права. При подобной технике используются существующие правовые категории и институты, которые не всегда точно и полно отражают технологические особенности новейшего времени, затрудняют широкое использование искусственного интеллекта и, по нашему мнению, вводят еще больше противоречий в и без того неоднородную тему.

Первые попытки на пути к разрешению указанных проблем стали акты Евразийского экономического союза, Европейского Союза, ЮНЕСКО, ОЭСР.

В Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, утв. Решением Высшего ЕЭС от 11.10.2017 № 12 акцентируется внимание на инвестиционной привлекательности рынка интеллектуальных устройств и технологий, учитывая его транснациональный характер, отмечается влияние технологий на экономическую ситуацию.

³⁴ И.А. Филипова. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика // Государство и право. 2018. № 9. С. 87

Наиболее полный подход к регулированию искусственного интеллекта нашел свое отражение в Резолюции Европейского парламента «О правилах гражданского права в области робототехники» от 16.02.2017 № 2015/2103(INL). Данный акт носит рекомендательный характер и, как следствие, может сыграть определенную роль для гармонизации правовых систем. Акт закрепляет принципы применения технологий робототехники и искусственного интеллекта, рассматривает проблемы ответственности и правового положения интеллектуальных систем, поднимает вопрос этики. Акты Европейского Союза, принимаемые с учетом данной резолюции, являются примером построения комплексной нормативной базы регулирования правоотношений в области применения искусственного интеллекта³⁵. Тем самым можно сказать, что намечен первый этап в крайне сложном процессе правового регулирования на международном региональном уровне.

В свою очередь международная организация ЮНЕСКО всерьез занялась мероприятиями по разработке рекомендательных актов по правовому регулированию искусственного интеллекта. Разрешение этических аспектов искусственного интеллекта стали первым глобальным вопросом в деятельности организации, и его результатом стал Проект рекомендаций об этических аспектах Искусственного интеллекта, утвержденный на Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2021 году³⁶. Обратим внимание на то, что в Проекте рекомендаций содержится указание на необходимость «взаимодействия государств с международными организациями, транснациональными корпорациями, академическими учреждениями и общественными организациями» при разработке регулирования правоотношений в сфере применения искусственного интеллекта.

На международном региональном уровне началось разрешения вопроса о

³⁵ С.В. Никитенко Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Том 1. №2. С. 155.

³⁶Проект Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта, утвержденный Генеральной Ассамблеей Юнеско / UNESCO [портал]. 2021. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378931_rus (дата обращения: 12.01.2022).

создании административного органа, занимающегося вопросами искусственного интеллекта. В рамках Европейского союза было учреждено Агентство Европейского союза по робототехнике и искусственному интеллекту.

При Организации экономического сотрудничества и развития был создан Комитет по политике в области цифровой экономики и Совет по искусственному интеллекту при нем. Его деятельность направлена на построение цифровой экономики и формирование политики в цифровую эпоху. Совет Организации экономического сотрудничества и развития по искусственному интеллекту принял Рекомендации, которые направлены на их использование при разработке международных нормативных актов в соответствующей сфере, а также называет основополагающие принципы искусственных систем.

Таким образом, региональные международные организации проделали большую работу, издав различные варианты Рекомендаций для разработки нормативных актов. Сами Рекомендации закрепляют большой перечень принципов систем искусственного интеллекта и робототехники, ставят приоритетные задачи, стоящие перед человечеством в цифровую эпоху. Все это является примером рекомендательных актов и, бесспорно, заслуживают внимания всех государств, частноправовых компаний и исследователей. Следовательно, рассмотренные акты создали условия для проведения гармонизации правовых систем.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее.

Нами были рассмотрены основные проблемы, стоящие перед регулятором общественных отношений в сфере искусственного интеллекта. Эти проблемы касаются как общественного сознания, так и качественной характеристики законодательства на данный момент.

Нами были названы основные положения о искусственном интеллекте, которые рекомендуется отразить при подготовке законодательной базы как на международном, так и на региональном уровне, к ним относятся: понятие, признаки, принципы, этика, государственное управление.

Давая характеристику сложившемуся на данный момент международно-правовому регулированию использования технологий искусственного интеллекта, нельзя не отметить вклад международных региональных (Европейский Союз), международных универсальных организаций (ЮНЕСКО) при разработке Рекомендаций, адресованных регуляторам государств, транснациональных корпораций и других международных организаций. Отметим, такие акты носят рекомендательный характер и, скорее их можно было бы отнести к инструментам гармонизации. Особенно ценны разработанные Рекомендации тем, что предложила широкий перечень прицелов искусственного интеллекта и отчасти разрешили вопрос о регулировании этической стороны использования искусственного интеллекта.

Указывая специфику национального регулирования, хотели бы отметить его декларативный характер и подзаконное регулирование. В актах, имеющихся на национальном уровне, была проведена попытка дать понятие искусственного интеллекта через характерные признаки, ввести классификацию искусственного интеллекта и обозначить приоритетные задачи в разных областях применения, в том числе в области сотрудничества искусства и технологий.

Глава 2. Теоретико-правовые подходы к международно-правовой охране произведений, созданных искусственным интеллектом.

§1. Сравнение творческого вклада естественного и искусственного интеллекта

Внедрение технологий искусственного интеллекта при его развитии с геометрической прогрессией затронуло совершенно разные области знаний и профессиональные сферы: точные, естественные, социальные науки; медицину; сферу услуг; финансы, искусство. В новейшее время представляется довольно непростой задачей назвать область, которую бы не коснулись технологии будущего. В связи с техническим прорывом специалисты особенно затронутых сфер задались логичным вопросом, сможет ли искусственный интеллект заменить их компетентность и экспертность на профессиональном поприще.

Нам представляется, что для ответа на заданный вопрос прежде всего нужно установить, каковы сходства и различия между естественным (природным) интеллектом и интеллектом искусственным (машинным).

В данном параграфе мы кратко затронем, что подразумевает под собой творчество и какие есть его виды; попробуем обозначить творческий процесс искусственного интеллекта; представим выводы сравнительного анализа различий и сходств творческого вклада естественного и искусственного интеллекта.

Творческая деятельность человека многогранна, как и попытки дать этой деятельности разумное определение. Суть творчества заключается в том, что оно представляет из себя многоуровневый психофизический процесс³⁷Творчество может быть описано целой системой классификаций, выделением типов и уровней согласно различным критериям. Я. А. Пономарев, рассуждая на тему понятия творчества, отмечает следующее³⁸: «в основу исходного определения творчества целесообразно класть его самое широкое понимание. В таком случае следует признать, что творчество свойственно и неживой природе, и живой до возникновения человека, и человеку, и обществу. Творчество – необходимое условие развития материи, образования ее новых форм, вместе с возникновением которых меняются и сами формы творчества. Творчество человека лишь одна из таких форм»³⁹. Творчество – движимая сила материи, всего живого и неживого, необходимая предпосылка для развития живой и неживой природы. Значит ли этого, что так Я.А. Пономарев допускал, что в недалеком будущем и неживые объекты смогут быть творцами? Совсем другое понимание у А. Г. Спиркин⁴⁰: «творчество – это духовная деятельность, результатом которой является создание оригинальных ценностей, установление новых, ранее неизвестных фактов, свойств и закономерностей материального мира и духовной культуры». Таким образом, в понимании автора творческая

³⁷А.Ю. Копылов. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12 (219). С.3.

³⁸ Цит. По: Я.А. Пономарев. Психология творчества. М., 1976. С. 42.

³⁹ Цит по: Я.А. Пономарев. Психология творчества. М., 1976. С.43.

⁴⁰ Цит по: А.Г. Спиркин. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 193.

деятельность присуща лишь тем существам, что обладают сознанием.

М. Боден (Boden, 1998, 1999)⁴¹ видит творчество как деятельность, целью которой является генерирование новых, осмысленных идей, имеющих самостоятельную ценность.

По сферам деятельности можно выделить социальное, научное, техническое, художественное, педагогическое творчество⁴². Каждый вид отличается друг от друга продуктом деятельности, использованием определенного типа компонента мышления, творческим процессом.

Помимо видов творчества, для данной исследовательской работы имеет особое значение рассмотрение вопроса об уровнях (типах) творчества. В целом можно говорить о двух основных уровнях – низшем и высшем. В первом случае новая идея применяется к уже имеющейся, будто бы развивая ее или дополняя, находит новый подход к уже созданному благу. Второй - высший уровень открывает абсолютно новый метод, концепцию, идею, форму.

Таким образом, творчество низкого уровня представляет собой рациональную компиляцию и преобразование имеющейся информации в новую форму. А. Л. Галин на этот счет добавляет⁴³, что творчество высшего типа отличается от творчества низшего наличием у первого интуиции. В то время как второй уровень творчества характеризуется рациональным упорядочиванием имеющихся знаний.

Отсюда возникает вопрос: если искусственный интеллект обучен собирать имеющиеся знания для генерирования на их основе творческого результата, можно ли говорить о том, что искусственному интеллекту под силу творческая деятельность? Значит ли это, что искусственный интеллект может выступать полноправным субъектом простейшего типа творчества? На эти вопросы нам еще предстоит ответить позднее, однако разграничение творчества на типы,

⁴¹ Цит. по: Boden M.A. Creativity and artificial intelligence // Artificial Intelligence. 1998. 103. 347–356; Boden M.A. Computer models of creativity // Handbook of Creativity. R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999. P. 353.

⁴² Е.П. Ильин. Психология творчества, креативности, одаренности. Санкт-Петербург: Печатный двор им. А. М. Горького, 2009. URL: <https://www.litres.ru/> (дата обращения: 28.03.2022).

⁴³ Там же. С. 22.

которое мы изучаем в данном параграфе, имеет практическую ценность для ответа на поставленные нами вопросы.

Итак, некоторые авторы подошли к вопросу выделения уровней более сложно, и разложили из низшего и высшего уровней как минимум еще три уровня. Так, Л.А. Китаев-Смык⁴⁴ выделяет компилятивный, проективный и инсайтно-креативный уровень. Компилятивный и проективный уровень являются аналогом низшего типа творческой деятельности. Так, для них характерно собирать и классифицировать имеющиеся знания для выработки на этой основе новых идей и подходов; обобщать имеющуюся систему знаний в единый творческий результат. Для инсайтно-креативного уровня характерно творческое озарение и неожиданный прорыв. Подобное творчество доступно не все творцам, а лишь тем, кто обладает творческим потенциалом создавать неизведанное.

Нам также импонирует типирование творчества (креативности) по М. Боден⁴⁵, который весьма часто цитируется в специализированной литературе. Исследовательница выделяет комбинаторную креативность (генерирование новой идеи на основе с уже имеющихся идей; исследований двух и более разных концепций для создания нечто единого и нового), исследовательскую креативность (обнаружение пробелов и постановка проблемы, исследование новых путей ее решения), трансформационную креативность (выдвижение качественно новой идеи, которая не обнаруживалась ранее; высшая степень авторства, преобразование старого в нечто невиданное, новое). М. Боден отмечает, что трансформационная креативность является самой что ни на есть творческой деятельностью в своей сути, представляет миру свежие идеи, знаменует собой настоящий прорыв в той или иной сфере деятельности.

Долгое время среди исследователей считалось, что все три типа креативности способен освоить лишь природный интеллект, так как только ему

⁴⁴ Цит. по: Китаев-Смык Л. А. Факторы напряженности творческого процесса // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 71.

⁴⁵ Цит по: Boden M.A. Computer models of creativity // Handbook of Creativity. R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press, 1999. P. 355.

подвластна творческая деятельность в понимании большинства исследователей. В то время как искусственный интеллект, запрограммированный на генерирование результатов творчества из уже имеющихся данных, - картин, музыки, написания компьютерных программ, в силах освоить лишь комбинаторную и исследовательскую креативность. Такой вывод связан с механизмами работы искусственного интеллекта, основанных, прежде всего, на его способности к самообучению и самосовершенствованию.

Вместе с тем, технологии последнего десятилетия бросают вызов всему научному сообществу, опровергая знаменитый тезис А. Лавлейс о том, что машина способна выполнить лишь ту задачу, на которую она запрограммирована⁴⁶. В связи с этим теперь также и тезис об ограниченной креативности искусственного интеллекта ставится под сомнение новыми разработками в сфере технологий искусственного интеллекта. Последний обучился создавать свои произведения на уровне трансформационной креативности (по М. Боден). Так, примерами успешной творческой деятельности искусственного интеллекта могут служить следующие программы, разработанные учеными-математиками, программистами, физиками, художниками, IT-компаниями DeepMind, Google:

1. Программа AARON, написанная художником Гарольдом Коэном, для создания оригинальных изображений.
2. Музыкальная программа-композитор Emmy британского стартапа Jukedeck, подражающая стилю великих музыкантов.
3. Математическая библиотека «Мицар» для создания формально проверенных доказательств в области математики, написанная математиком и информатиком Анджеем Трюбулецем.
4. Программы «Энигма», Oulipo, Cybernetic Poet для генерирования стихотворений.

⁴⁶ Цит. По: Гутер Р.С., Полунов Ю.Л. Августа Ада Лавлейс и возникновение программирования // Кибернетика и логика. М.: 1978. С. 93, 94.

5. Программа разработчика Дариуса Каземи NaNoGenMo, представляющая собой национальный месячник генерирования романов.

6. Алгоритм Whim для написания сценариев и ProperWryter для сочинения сказок. Совместно два алгоритма написали сценарий, который лег в основу мюзикла Beyond the Fence («За забором»), музыку к которому сочинил алгоритм Android Lloyd Weber⁴⁷.

Что касается вопросов морали и творческой деятельности искусственного интеллекта, тут отметим следующую мысль. При разработке и внедрении систем искусственного интеллекта последний программируется как автономная система в ситуации необходимости принятия решения без участия человека. Подобное автономное решение искусственного интеллекта способно прямо или опосредованно повлиять на жизнедеятельность людей, которая построена по своим законам, правилам, моральным принципам и убеждениям. В случаях возникновения подобных острых ситуаций на повестке стоит вопрос разработки концепции функционирования искусственного интеллекта, которая бы соответствовала соответствующим моральным убеждениям людей, сопричастных к управлению искусственным интеллектом⁴⁸.

Проблема разрешения вопроса о творчестве искусственного интеллекта видится в том, что машинные технологии запрограммированы на решение задач, будто генерирование картины в стиле Рембрандта, написание джазовой композиции, победа в игре го. Однако, и художественное, и научное творчество построено не на решении конкретной задачи, а на самовыражении автора, раскрытие общечеловеческой или личной проблемы, познание себя и окружающего мира, восполнение пробела в исследуемой теме, побуждение человечества к размышлениям. В этом, по мнению автора, кроется одно из основополагающих различий между природным и машинным интеллектом. Это различие, которое способствует разграничению творческого вклада человека и

⁴⁷ М Сотой Код креативности: как искусственный интеллект учится писать, рисовать и думать. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. С. 350.

⁴⁸Н.Н. Крылов, Е.Л. Панова, А.В. Алекберзаде. Искусственная мораль для искусственного интеллекта. История медицины. 2019. Т. 6. № 4. С. 260.

машины⁴⁹.

Более того, еще одним отличием творческого вклада двух сравниваемых нами интеллектов является тот довод, что творческий процесс искусственного интеллекта лишен самокритики. Именно способность человека, занимающегося творческой деятельностью, к критической оценке своего произведения, является отличительной особенностью человеческого творчества. Человек способен не только критиковать свое творчество, но и давать оценку творческим произведениям других людей. Названные способности человека связаны с наличием у него жизненного опыта, системы ценностей и внутренних убеждений о прекрасном и гениальном, мировоззрением и мироощущением, являющиеся уникальным для каждого индивида.

В завершении хотелось бы дополнить еще один важный критерий отличия творческого вклада природного и искусственного интеллекта. Помимо уникальности мировоззрения, системы ценности и т.п. каждого отдельного индивида, автор творческого произведения индивидуален психофизически, что отвечает самой сути творческого процесса. В связи с этим, произведение отражает индивидуальность своего творца, несет отпечаток его личности, создает в совокупности неповторимый авторский стиль⁵⁰.

На данный момент творчество искусственного интеллекта — это результат человеческого кода⁵¹. Такое творчество не отличается осознанной самостоятельностью, не имеет творческого импульса, не вызывается приливом вдохновения или озарением.

Остается ли в правовом поле творческий результат за авторством программиста, написавшего алгоритм, способный разрешить творческую задачу, стоящую перед машиной? Стоит признать, что в основе такого творчества может быть заложено соавторство, концепция эмержементных

⁴⁹ М. Сотой Код креативности: как искусственный интеллект учится писать, рисовать и думать. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. С. 152.

⁵⁰ А.Ю. Копылов. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12 (219). С. 3.

⁵¹ М. Сотой. Код креативности: Как искусственный интеллект учится писать, рисовать и думать. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. С. 362.

явлений. Данная концепция призывает к оценке явлений не с однозначной позиции. «Один нейрон – это еще не сознание; лишь множество нейронов открывает возможность считать их сознанием»⁵².

§2. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые искусственным интеллектом

В данном параграфе нами будут рассмотрены классификации объектов интеллектуальной собственности, нашедшие свое отражение в международных договорах и в национальном законодательстве; соотнесение объектов, которым дана правовая охрана с объектами, на создание которых запрограммирован искусственным интеллект с учетом известных нам примеров на данный момент; обозначены проблемы, имеющие решающее значение для дальнейшего раскрытия темы нашего исследования.

Как было обозначено нами в предыдущем параграфе, написание программ для искусственного интеллекта, с помощью которых последний способен создавать произведения, теоретически сопоставимые с объектами интеллектуальной собственности, постоянно развивается и качественно улучшается. Одна программа сменяет другую в наиболее прогрессивной версии, а искусственный интеллект продолжает демонстрировать совершенствующиеся задатки околотворческих способностей.

Зачастую искусственный интеллект, способный создать объект интеллектуальной собственности, относится к технологиям нейронных сетей (artificial neural network). Объясняется это тем, что нейронные сети способны выйти за рамки запрограммированного в них алгоритма и первоначальных заложенных в них функций, принимая решения автономно благодаря способности самообучаться и анализировать предыдущие ошибки. С теоретической точки зрения именно объекты, создаваемые нейронными сетями, так схожими с биологическими нейронными сетями человека, можно отнести как объектам интеллектуальной собственности в том понимании, которое

⁵² М. Сотой Код креативности: Как искусственный интеллект учится писать, рисовать и думать. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. С. 361.

известно нам по законодательству.

Представляется возможным выделить три системаобразующих международных договора в сфере интеллектуальной собственности. К ним относятся: Парижская Конвенция по охране промышленной собственности 1883 года, Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 года, Римская Конвенция об охране прав изготовителей фонограмм и вещательных организаций 1961 года. Каждая из них закрепляет перечень объектов интеллектуальной деятельности, подлежащих международно-правовой охране.

Положения об интеллектуальной собственности в полном объеме кодифицированы в национальном законодательстве в части IV Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ⁵³). В гражданском законодательстве с результатами интеллектуальной деятельности связаны такие вопросы, как объекты интеллектуальных прав, ответственность информационных посредников, обязательственные правоотношения применительно к авторскому праву, например, нормы о лицензионном договоре), наследование результатов интеллектуальной деятельности, соотношение товарного знака и доменного имени, а также вопросы определения юрисдикции во взаимосвязи с общепринятыми принципами и нормами международного частного права.

Отметим, что национальный законодатель не прибегает к собирательной вещно-правовой категории «собственность» применительно к результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним объектам. Вместо этого в ст. 1226 ГК РФ введено понятие «интеллектуальные права», которые включают в себя исключительное право (имущественные права), личные неимущественные права и иные права (например, право следования, право доступа и другие).

Перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и

⁵³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (Часть 1). Ст. 5496.

средства индивидуализации установлен в п. 1 ст. 1225 ГК РФ. Согласно первой точке зрения⁵⁴, в основу легальной классификации положена правовая природа объекта интеллектуальных прав. Таким образом, закон выделяет две группы объектов интеллектуальной собственности: 1) результаты интеллектуальной деятельности и 2) средства индивидуализации, приравненные к ним. Согласно другой точки зрения, условно можно выделить объекты интеллектуальной собственности следующим образом: 1) объекты авторских и смежных прав; 2) объекты патентного права; 3) средства индивидуализации; 4) нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности⁵⁵. К объектам авторским прав относят произведения науки, литературы и искусства, а также условно приравненные к ним программы для ЭВМ. Авторское право обеспечивает охрану указанных объектов, а смежные права охраняют результаты творческой и иной деятельности, связанной в большинстве случаев с использованием авторских прав⁵⁶.

Концепция интеллектуальной собственности отражена в Конвенции, утверждающей ВОИС 1967 года (далее по тексту – Стокгольмская Конвенция 1967 года). В ст. 2 (viii) Стокгольмской Конвенции 1967 года перечислены «права, которые включаются в интеллектуальную собственность». В то время как ст. 1225 ГК РФ признает результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, подлежащие правовой охране. Тем самым, присутствует концептуальная разница в понятийно-категориальном аппарате международного договора и национального законодательства: «интеллектуальные права» и «результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» (объекты охраны) соответственно. Кроме того, при сравнении положений Стокгольмской Конвенции 1967 года и ГК РФ представляется возможным проследить следующую тенденцию: в отличие от

⁵⁴ Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учебник / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Москва: Статут, 2017. С. 75.

⁵⁵ Авторское право и смежные права: учебник / И. А. Близнац, К. Б. Леонтьев; под ред. И. А. Близнаца; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. Изд-во 2-е, перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015. С. 5.

⁵⁶ Там же. С.5.

Стокгольмской Конвенции 1967 года, положения ГК РФ охраняют базы данных и программы для ЭВМ, а также наименования места происхождения товара и селекционные достижения. Для нашего исследования особое значение имеет отсутствие баз данных и программ для ЭВМ в перечне ст. 2 (viii) Стокгольмской Конвенции 1967 года. В этой связи стоит отметить, что в Стокгольмской конвенции 1967 года перечень открытый, и присоединившееся к Конвенции Договаривающееся государство имеет право включать дополнительные интеллектуальные права (результаты – объекты) в свое национальное законодательство. С учетом изложенного, составители международного договора учитывали тенденцию к развитию научно-технического прогресса, и регламентировали возможность вводить новые интеллектуальные права для эффективной работы международных организаций, в том числе ВОИС.

В Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее по тексту – ТРИПС) дано более узкое понятие «интеллектуальной собственности», которое охватывает все категории интеллектуальной собственности, поименованные в разделах 1-7 части II (авторское право и смежные права во взаимосвязи с Бернской Конвенцией 1886 года; товарные знаки; географические указания; промышленные образцы; патенты; топологии интегральных микросхем; охрана закрытой информации). При пробелах в перечне охраняемых объектов интеллектуальной деятельности, ТРИПС содержит отсылки на международные договоры, в которых тот или иной объект подлежит международно-правовой охране. Например, посредством отсылки к ст. 8 Парижской Конвенции в ТРИПС, подлежат охране фирменные наименования по Парижской Конвенции и ТРИПС.

Перед нами возник своевременный вопрос, как на данный момент развивается ситуация с вопросом включения произведений, создаваемых искусственным интеллектом, в объекты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране?

По словам начальника Центра мониторинга качества Федерального института промышленной собственности (ФИПС) Ольги Алексеевой,

прозвучавших на панельной дискуссии о патентом праве и инновациях в цифровой среде на XXII на международной конференции Роспатента, перечень ст. 1225 Гражданского кодекса РФ подлежит дополнениям и изменениям⁵⁷. Так, с учетом появления новых явлений в результате развития информационных технологий, круг охраняемых результатов интеллектуальной деятельности подлежит своевременному расширению.

Однако стоит отметить, до сих пор не претерпели изменения ни Международные договоры в области интеллектуальной собственности, ни национальное законодательство, хотя мы знаем, что рассматриваемый нами вопрос стоит на повестке дня как у национального законодателя, так и у международных организаций.

Практически мы пришли к выводу, что к данному моменту искусственный интеллект побаловал человечество различными результатами интеллектуальной деятельности с позиции своей автономности. Сюда относятся и произведения, которые теоретически и весьма условно могут быть отнесены к произведениям искусства (объекты живописи, музыкальные произведения, произведения художественной литературы и стихотворения). Авторско-правовая охрана произведения предполагает наличие критерия творческого характера деятельности и объективной формы его выражения. В связи с тем, что одним из признаков технологий искусственного интеллекта является способность решать творческие задачи подобно человеку, то теоретически мы можем допустить что результат работы искусственного интеллекта может являться произведением.

Таким образом, с учетом охраняемых объектом интеллектуальной деятельности согласно положения международных договоров и нормам национального законодательства, с учетом известных нам прорывов в области творческой деятельности искусственного интеллекта, последний продемонстрировал способность создавать объекты авторских прав (произведения науки, литературы и искусства). Может ли сам искусственный

⁵⁷ Тренды патентного права: 3D-моделирование и искусственный интеллект / Гарант.Ру [портал] 2018. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/25-09-2018-garant-ru-trendy-patentnogo-prava-3d-modelirovanie-i-iskusstvennyu-intellekt#> (дата обращения: 02.04.2022). Режим доступа: Гарант.Ру.

интеллект быть объектом интеллектуальной деятельности, или же он относится к объектам патентных прав? Обозначенный вопрос является дискуссионным в научной литературе. Нам бы хотелось отметить, авторско-правовая охрана может быть предоставлена технологии искусственного интеллекта во взаимосвязи международных договоров, а именно ст. 4 ДАП, и ст. 10 ТРИПС предусматривают, что компьютерные программы охраняются как литературные произведения по смыслу Бернской конвенции. Также ст. 5 ДАП предусматривает, что базы данных охраняются как таковые, если они содержат элементы интеллектуального творчества. В пользу патентной охраны искусственного интеллекта свидетельствует, во-первых, факт его применения в научных областях знаний (телекоммуникационные технологии, интернет, системы транспорта и комическая отрасль, медицинские исследования, генетика, нейроинформатика, здравоохранение). Однако для получения патентной охраны необходимо пройти тест жестких критериев, в то время как в большинстве случаев при создании систем искусственного интеллекта доминирует машинное обучение, что снижает элемент новизны патента. Мы же придерживаемся мнения, что искусственный интеллект сам по себе является сложным объектом, в отношении которого должны быть предусмотрены исключения и установление особого правового режима.

Исходя из этого отметим, что на рассуждение может быть вынесена цепочка взаимосвязанных вопросов. Так, сначала необходимо определить, создает ли искусственный интеллект в результате своей интеллектуальной деятельности произведения искусства в привычном для человечества понимании (предпосылки к этому были исследованы нами в первом параграфе). Для ответа на следующий глобальный вопрос о том, могут ли произведения, создаваемые искусственным интеллектом, быть квалифицированы как объекты интеллектуальной собственности, необходимо установить критерии их охраноспособности⁵⁸. Помимо этого, права на объекты интеллектуальной

⁵⁸ П Ролинсон Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5. С. 6.

собственности по своей сущности связаны с творческой деятельностью природного интеллекта человека. Стало быть, закрепленный за человеком статус создателя и творца усложняет предоставление правовой охраны результатам, созданным искусственным интеллектом⁵⁹.

При отрицательном ответе на первый вопрос следует констатировать, что дальнейшее изучение критериев охраноспособности объектов, создаваемых творческим трудом искусственного интеллекта, не имеет смысла. В таком случае мы констатируем, что искусственный интеллект не способен к творчеству, а произведения, им создаваемые, не имеют ничего общего с произведениями искусства, а лишь пародируют и в многократном количестве их повторяют.

Однако при неоднозначном или вовсе положительном ответе на указанный вопрос мы не можем остановиться в мертвой точке в своем исследовании, как не могут остановиться разработчики высоких технологии в их развитии. Так как большинство известных нам произведений, созданных искусственным интеллектом, более всего относимо к объектам авторских прав, с юридической точки зрения отметим, что ст. 2 Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года, п. 1 ст. 1259 ГК РФ признает объект авторского права охраноспособным в независимости от его достоинств, качества, назначения и способа выражения.

В рамках нашего исследования мы имеем полное право определить критерии, которые позволили бы отнести произведения, создаваемые искусственным интеллектом, к перечню объектов – результатов интеллектуальной деятельности, подлежащих правовой охране как на международном, так и на национальном уровне.

Таким образом, отнесение произведения, созданного при помощи технологий искусственного интеллекта, к охраняемым объектам интеллектуальной собственности в правовом поле, зависит от критериев

⁵⁹ П Ролинсон Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5. С. 6.

правовой охраны таких объектов в том или ином государстве. Данный вопрос будет подробно рассмотрен в следующем параграфе.

§3. Критерии охраны произведений, созданных искусственным интеллектом.

В данном параграфе мы проведем сравнительный анализ положений международных договоров, национального законодательства, выводов из судебной практики для определения возможных критериев охраноспособности произведений, созданных искусственным интеллектом.

Основным критерием охраноспособности произведений можно по праву считать оригинальность. Данный критерий можно косвенно проследить в п. 3 и 5 ст. 2 Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года (далее по тексту – Бернская Конвенция 1886 года). То же правило следует в национальных законодательствах континентальных правовых систем. Так, из абз. 1 п. 1 ст. 1228 во взаимосвязи с пп. 2 п. 2, 7 ст. 1259 ГК РФ и разъяснений Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» абз. 2 п. 80 прослеживается такой критерий как «результат творческого труда». Суд Европейского союза также упоминает критерий оригинальности относительно произведения, истребующего правовой охраны⁶⁰, которое способно функционально выразить личность автора через его творческий выбор. В то же время А.Ю. Копылов приходит к выводу, что для охраноспособности произведения главным образом требуется установить творческий характер труда⁶¹. Тем самым, произведением должен считаться оригинальный результат интеллектуальной деятельности.

При толковании положений статей 3 и 5 Бернской Конвенции 1886 года мы можем прийти к выводу, что оригинальность произведения и творческая

⁶⁰ CJEU, Case C-683/17 Cofemel - Sociedade de SA v. G-Star Raw CV. Judgment of the Court (Third Chamber) of 12 September 2019.

⁶¹ А.Ю. Копылов. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12 (219). С. 3.

деятельность автора являются решающими критериями для представления произведению международно-правовой охраны. Данные критерии находят свое отражение и в национальном законодательстве.

Со ссылками на национальное законодательство Российской Федерации Г.В. Романов приводит четыре критерия охраноспособности⁶²: 1) оригинальность произведения как минимальное требование закона (абз. 1 п. 1 ст. 1228 ГК РФ), 2) объективная форма выражения произведения (п. 3 ст. 1259 ГК РФ), 3) связь произведения с Российской Федерацией, определяемая через обнаружение произведения (ст. 1231, 1259 ГК РФ), 4) произведение не исключено из охраны как политическо-правовой символ или произведение общественного достояния (п.п. 5, 6 ст. 1259, ст. 1282 ГК РФ).

Рассмотрим дополнительные доктринальные критерии, которые предписывают различные исследователи объектам, созданным искусственным интеллектом, для установления их охраноспособности.

Итак, П.М. Морхат⁶³ высказывает свое мнение относительно рассмотрения действий юнита искусственного интеллекта как творчества. Так, действия искусственного интеллекта должны быть самостоятельным решением, а не многократным повторением принятый ранее решений, с минимальный элементом случайности и собственным творческим вкладом.

Отметим интересный и, с первого взгляда, логически обоснованный ход мысли, однако названные П.М. Морхатом критерии даже сейчас кажутся нереальными. По нашему мнению, суть интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта как раз-таки является подобием человеческого творчества, его имитацией. Даже небезызвестные примеры победы машинного интеллекта над естественным в игре го и в шахматы, явившие тот самый элемент случайности, является скорее исключением, нежели постоянно повторяющимся правилом в контексте интеллектуальной деятельности искусственного

⁶² Г.В. Романов. Критерии охраноспособности произведения в авторском праве // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 6.

⁶³ П.М. Морхат. Правосубъективность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. Дис...д-ра юридических наук. Москва., 2018. С. 178

интеллекта⁶⁴. Таким образом, на данный момент, произведения, созданные искусственным интеллектом и знакомые нам, являются собой с технической точки зрения многократное повторение произведений искусства, созданных человеком.

Автономность творчества в качестве критерия для распространения прав автора на произведения, созданные искусственным интеллектом, называют П.М. Морхат⁶⁵ и Е.П. Сесицкий⁶⁶. Под автономность искусственного интеллекта П.М. Морхат понимает его самостоятельные действия вне зависимости от вклада человека (разработчика, пользователя и т.п.) как условие, позволяющее определить наличие творческого вклада искусственного интеллекта. В свою очередь, Е.П. Сесицкий называет автономной работой систем искусственного интеллекта критерием, который позволит признать результаты искусственного интеллекта охраняемыми в рамках положений об интеллектуальной собственности. Полагаем, что критерий автономности не может играть определяющее значение для признания за объектом интеллектуальной деятельности правовой охраны, так как это является характеристикой самого искусственного интеллекта и не отвечает сущности авторского права, где наибольшее значение имеют творческий вклад создателя.

Понькин, Редькина⁶⁷ в своем исследовании заключили, что искусственный интеллект способен создавать творческие результаты опосредованно, с участием человека. То есть при наличии автономных действий, по мнению авторов, возможно признание авторско-правовой охраны за творческими результатами искусственного интеллекта.

В. С. Витко приходит к следующей мысли, размышляя об охраноспособности объектов, созданных искусственным интеллектом: в

⁶⁴ Речь идет о шахматном матче между искусственным интеллектом Deep Blue и Г. Каспаровым в 1997 году, закончившийся со счетом 3½ : 2½ в пользу Deep Blue; также в ходе матча по игре го в 2016 году искусственный интеллект AlphaGo обыграл корейского профессионала 9 дана Ли Седоля со счетом 4:1.

⁶⁵ Правосубъективность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. Дис...д-ра юридических наук. Москва., 2018. С. 179.

⁶⁶ Е.П. Сесицкий. Охрана результатов, генерируемых системами искусственного интеллекта, в рамках существующего правового поля // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. №11. С. 55.

⁶⁷ И.В. Понкин, А.И. Редькина. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. №1. С. 37-38.

результатах интеллектуальной деятельности, создаваемых искусственным интеллектом, отсутствует собственная осмысленная идея программы и ее творческое изложение⁶⁸. Ввиду особенностей характера деятельности искусственного интеллекта, результаты этой деятельности не могут быть признаны объектами авторского права в принципе, потому не возникают гражданские права, в том числе и авторские. Довод усиливается и тем аргументом, что при создании искусственным интеллектом объектов авторского права отсутствует сама фигура автора-гражданина. Это довольно весомый аргумент, так как и Бернская Конвенция 1886 года (ст. 3), и национальное законодательство (ст. 1257 ГК РФ) обозначают автора как гражданина (физическое лицо), которое является создателем произведения, которому предоставляется правовая охрана. Из этого мы можем заключить, что фигура автора-физического лица является вторым объективным критерием для охраноспособности результата интеллектуальной деятельности.

В то же время среди некоторых исследователей сложился так называемый функциональный подход к определению охраноспособности произведения. На этот счет Ю.С. Харитонов подводит итог: на результат деятельности искусственного интеллекта может распространяться правовая охрана, если будет установлено, что искусственный интеллект при выполнении задачи по созданию произведения проявляет функциональную самостоятельность и максимальную эффективность, что приводит к полезности в экономическом смысле⁶⁹.

А.Ю. Копылов полагает, что при оценке того или иного результата интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта как подлежащего правовой охране, необходимо руководствоваться комплексным подходом, состоящим из субъективных и объективных критериев⁷⁰. Автор относит

⁶⁸ В.С. Витко. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты интеллектуальной деятельности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. №3. С. 29.

⁶⁹ Харитонов Ю.С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // Статут. 2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=124852#REg1f5T8YkDN0B941> (дата обращения: 02.04.2022). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁰ А.Ю. Копылов. Творчество как условие охраноспособности произведения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 12 (219). С. 6.

оригинальность и новизну в качестве объективного подхода, который оценивает не содержание, а форму произведения; творческий вклад автора как субъективный критерий, который, зачастую, презюмируется судебной практикой, пока не доказано иное⁷¹.

Романов Г.В. толкует критерий «личный творческий вклад» как причинно-следственную связь между автором и его произведением⁷². По мнению автора оригинальное произведения по своему объективному выражению может не является следствием творческого выбора автора, как в случаях, если оно создано силами природы, животным или компьютерной программой. Таким образом, причинная связь играет существенную роль для установления охраноспособности. Исходя из доводов автора, мы можем заключить, что требуется не просто совокупность признаков и критериев охраноспособности, но и причинно-следственная связь между объективными и субъективными критериями.

Обратимся к судебной практике и разъяснениям высших судебных инстанций для обоснования критериев охраноспособности произведений, созданных технологиями искусственного интеллекта. Однозначно насчет результатов, созданных техническими средствами, высказался Верховный Суд РФ. Согласно п. 82 проекта постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации)», результаты, созданные техническими средствами без участия человека, объектами авторского права не

⁷¹ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года N 10. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 15.04.2022). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

⁷² Романов Г.В. Критерии охраноспособности произведения в авторском праве // Российский юридический журнал. 2021. №3. С. 15.

являются⁷³. В судебной практике США⁷⁴ сложилось два условия для предоставления авторско-правовой охраны произведениям: оригинальность, то есть произведение не было скопировано с аналогичного художественного произведения, и личность автора.

Спор, который попал на рассмотрение апелляционной коллегии Федерального суда Австралии, демонстрирует неготовность государств признавать интеллектуальные права на объекты, созданные искусственным интеллектом. Апелляционный суд подчеркнул, что патент может быть выдан только на результаты осознанного человеческого труда⁷⁵. Данный вывод суда полностью основан на законодательстве Австралии об интеллектуальной собственности, где определяется, что автором произведения может быть только «лицо», причем патент может оформляться как на физическое, так и юридическое лицо.

Таким образом, обобщая вышесказанные теоретические и практические доводы, приведем перечень критериев, при наличии которых объектам, созданным искусственным интеллектом, может быть представлена авторско-правовая охрана:

- 1) творческий вклад, творческий характер умственной деятельности;
- 2) оригинальность;
- 3) самостоятельность;
- 4) авторство;
- 5) объективная форма выражения произведения;
- 6) причинная связь между формой выражения и творческим актом.

Итак, расширенный перечень критериев позволит нам провести контрольную проверку на предмет охраноспособности объекта, созданного машинным интеллектом.

⁷³ О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации): проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.04.2022). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁴ Alfred Bell & Co. v. Catalda Fine Arts, 191 F.2d 99 (2d Cir. 1951).

⁷⁵ Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (13.04.2022).

Творческий характер интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта ставится под сомнение и не находит поддержки большинства исследователей, а также законодателя и правоприменителя. Мы также не можем согласиться с тем, что искусственный интеллект способен на подлинное творчество, каким мы его себе представляем согласно первому параграфу нашего исследования. Под сомнение ставится и творческий вклад разработчика, пользователя технологией для создания произведений ввиду опосредованности. В этой связи оригинальность произведений, созданных технологией искусственного интеллекта, также ставится под сомнение ввиду особенности работы алгоритма, связанной с многократным повторением существующих решений. В таком случае следует признать, что алгоритм способен проявлять комбинаторное творчество по типологии М. Боден, приведенной в первом параграфе.

Самостоятельность искусственного интеллекта выделяется хоть рядом исследователей, но на практике является скорее исключением, нежели устоявшимся правилом работы алгоритма.

Авторство искусственного интеллекта является самым проблематичным вопросам в исследованиях. Нами было установлено, государства пока не готовы признать искусственный интеллект субъектом гражданского права для возникновения у последнего гражданских прав и обязанностей, в том числе авторско-правовых. Для решения этой проблемы исследователи прилагают различные способы решения проблемы, в том числе использование правовых фикций. Указанные способы решения на данный момент не нашли распространения. Также для решения проблемы исследователями предлагается рассмотреть иных субъектов, принимающих участие в интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта (собственник, разработчик, пользователь), однако констатируется, что творческий вклад таких субъектов в произведение, созданное искусственным интеллектом, ограничен; соавторство допустимо только между гражданами-физическими лицами.

Искусственный интеллект действительно создает произведения в

объективно выраженной форме (словесная, звуковая, визуальная), однако наличие одного критерия для признания охраноспособности недостаточно.

Причинная связь между формой выражения и творческим актом искусственного интеллекта неоднозначно проявляется ввиду сомнений насчет творческого характера деятельности искусственного интеллекта.

Связи с этим, можно сделать вывод о том, что с учетом доктрины об авторском праве, объекты, созданные искусственным интеллектом, не отвечают критериям охраноспособности.

§4. Содержание авторского права на объекты интеллектуальной собственности, созданные искусственным интеллектом.

В данном параграфе нами будут проанализированы субъекты, которые могут обладать интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта и объем их правомочий с учетом норм международного и национального права.

В нашем исследовании мы уже достаточно подробно обсудили вопросы правосубъектности искусственного интеллекта, его творческие возможности и результаты интеллектуальной деятельности, которые он запрограммирован создавать. В связи с чем в последнем параграфе мы будем исходить из того, что государства могут продолжать не признавать правосубъективность искусственного интеллекта для установления его прав на результаты интеллектуальной деятельности, а избрать иной правовой режим для таких технологий, либо же вообще оставить этот вопрос открытым. В таком случае мы рассматриваем основные категории правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта и раскрываем содержание их прав (в нашем случае, нас интересует авторское право).

Коллектив соавторов в своем исследовании об объектах интеллектуальной собственности, создаваемых с помощью искусственного интеллекта, выделили

четыре основные категории потенциальных правообладателей⁷⁶:

- 1) разработчик программы с технологией искусственного интеллекта;
- 2) пользователь программы с технологией искусственного интеллекта;
- 3) собственник оборудования, используемого для создания и дальнейшего функционирования программы с технологией искусственного интеллекта;
- 4) программа с технологией искусственного интеллекта.

По мнению исследователей⁷⁷, определять правообладателя необходимо с учетом особенностей той или иной программы, целей, условий ее создания и эксплуатации, обстоятельств создания произведений авторского права при помощи рассматриваемой программы. Также напомним, что на данный момент программа с искусственным интеллектом может рассматриваться лишь как «*autor-in-fact*» (фактический автор). В дополнение к указанной точке зрения о вышеприведенном перечне мы бы хотели указать, что потенциальные правообладатели отличаются друг от друга по объему их творческого вклада в создание произведения при помощи технологий искусственного интеллекта. Нам представляется, что самая низкая роль в таком случае принадлежит разработчику и собственнику оборудования, которые не принимают дальнейшего участия в создании произведения.

В научной литературе чаще встречаются мнения о том, что у искусственного интеллекта не может быть гражданских прав и обязанностей, и мы вынуждены скорее согласиться с этой точкой зрения, нежели опровергнуть ее. В.С. Витко пришел к выводу, что по-настоящему на данный момент мы нуждаемся в защите гражданских прав индивидов, за которыми стоит создание искусственного интеллекта, который, в свою очередь, создал произведение искусства⁷⁸. И господствующим подходом является то, что автором объекта,

⁷⁶ П. Ролинсон. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом / Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. // Закон. 2018. №5. С. 6.

⁷⁷ Там же С. 7.

⁷⁸ В.С. Витко. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты интеллектуальной деятельности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 3.

созданного искусственным интеллектом, является только человек. Е.В. Куликова в своих исследованиях же осталась мнения, что технология искусственного интеллекта не может выступать субъектом авторского права в связи с отсутствием творческого начала⁷⁹. Тем самым, даже если объект авторского права создан искусственным интеллектом, только за человеком может быть признано авторское право ввиду его способности к подлинной творческой и мыслительной деятельности, а развитие научно-технического прогресса никак не способно изменить этот довод.

В свою очередь, хотелось бы привести в пример положения Закона Великобритании 1998 г. «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» (Copyright Designs and Patent Act)» в ст. 9 указано, что автором литературных, драматических и музыкальных произведений, а также произведений изобразительного искусства, созданных с помощью компьютера, является физическое лицо, которое предприняло меры, необходимые для создания произведения на основе доктрины справедливого использования «fair use». Тем самым, законодатель Великобритании постарался разрешить проблемный вопрос путем предоставления охраны произведения, созданным искусственным интеллектом, через фигуру автора, который принимал меры для создания такого алгоритма, который способен самостоятельно создавать объекты авторского права. В связи с этим положением имеется прецедент⁸⁰, когда суд посчитал разработчика программного обеспечения, которым был создан объект авторского права, автором такого произведения. Однако вероятнее всего, предметом рассмотрения было программное обеспечение несложной структуры, без использования технологии и алгоритмов искусственного интеллекта, способного к самообучению.

В рассуждениях о том, кого наделять авторскими правами, В.С. Витко выделяет категории правообладателя и пользователя. Исследователь приходит к выводу, что в случаях, если произведение создает с помощью программы на

⁷⁹ Е.В. Куликова. Влияние новых технологий на развитие авторского права и смежных прав: договоры, законодательство, практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001.С. 12.

⁸⁰ Nova Productions v. Mazooma Games. [2006] EWHC 24 (Ch); [2006] E.M.L.R. 14.

основе искусственного интеллекта, то право собственности на это произведение должно принадлежать пользователю программы⁸¹. Свой вывод он обосновывает так называемым критерием заинтересованности в создании произведения, которая имеется именно у пользователя (также лицензиата) такой программы, а не у правообладателя; интерес правообладателя программы сводится к разработке специального алгоритма и созданию самой программы. Поэтому пользователь программы, с помощью которой был создан объект интеллектуальной собственности, по нашему представлению, может обладать исключительными правами на это произведение.

Бернская Конвенция 1886 года различает исключительные права на выдачу разрешений, к примеру, на перевод, адаптации и аранжировки, воспроизведение и т.п., а также личные неимущественные права (требование признания авторства, возражение против всякого извращения, искажения, изменения произведения, - ст. 6 bis), а при сравнении с ТРИПС, в отношении компьютерных программ и аудиовизуальных произведений должно признаваться исключительное право на прокат. Согласно п. 2 ст. 5 Бернской Конвенции 1886 года объем охраны, равно как и средства защиты, представляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана. Таким образом, в отрыве от положений национального законодательства не представляется возможным ответить на поднятые в исследовании вопросы.

По национальному законодательству интеллектуальные права по своему содержанию включают в себя исключительное право на охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности, а также личные неимущественные права автора и иные права (ст. 1226 ГК РФ). Исключительные права составляют правомочия использования и распоряжения автором и его правопреемников. Исключительные права ограничены по сроку действия в соответствии с положениями Бернской Конвенции, в то время как личные неимущественные

⁸¹ В.С. Витко. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты интеллектуальной деятельности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 11.

права являются неотчуждаемыми и принадлежат автору бессрочно (право признаваться автором, право на имя, право на неприкосновенность произведения).

Возникает обоснованный вопрос: если и признавать за правообладателями объектов, созданных искусственным интеллектом, авторские права, то каков объем их правомочий?

Среди исследователей вопроса существует мнение, что на объекты, созданные искусственным интеллектом, должно признаваться только исключительное право. Полагаем, что довод связан с охраной имущественных интересов инвесторов и крупных IT-разработчиков, что является вполне оправданным. Сфера робототехники и технологий искусственного интеллекта является прибыльной и в то же время достаточно затратной.

Ю.С. Харитонова⁸² обосновано констатирует, что непризнание охраноспособности объектов интеллектуальных прав, созданных автономным искусственным интеллектом, затрудняет развитие технологической отрасли. Однако признавать такие объект общественным достоянием также невыгодно с финансово-экономической точки зрения, потому представляется установить субъективные права на такие объекты, также допустив их к участию в обороте. В связи с этим автором также предлагается обратить внимание на концепцию права *sui generis*, отраженного в Директиве Европейского союза N 96/9/ЕС. Так признается авторское право на объекты, которые не отличаются творческим вкладом, но имеют своей целью защитить имущественный интерес изготовителей баз данных. Так, именно гибкое регулирование способно разрешить вопрос о предоставлении минимальной правовой охраны произведениям, которые не отвечают критериям авторско-правовой охраны. Для российского правопорядка аналогом *sui generis* являются смежные права изготовителя баз данных.

⁸² Харитонова Ю.С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта / Ю.С. Харитонова // Статут. 2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=124852#REg1f5T8YkDN0B941> (дата обращения: 02.04.2022). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Подводя итог, нами были выделены основные субъекты, которые могут претендовать на авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом. Наиболее часто с практической точки зрения встречаются фигуры разработчика алгоритма, способного имитировать творческую деятельность человека, и пользователя программы, в основу которой положен такой алгоритм.

Нами были указано, что при определении правообладателей и объема их полномочий на результат, созданный искусственным интеллектом, необходимо учитывать все особенности, а именно: степень технологической разработки алгоритма и принципы его работы, цели его создания; обстоятельства, при которых искусственный интеллект создает то или иное произведение.

По вопросу объема правомочий ряд исследователей сходятся во мнении, что при неоднозначном подходе к выделению лица, имеющего права на произведения, созданные искусственным интеллектом, речь может идти только об исключительных правах на такое произведение.

Несомненный вывод, который мы можем извлечь из представленных доводов исследователей сводится к тому, что при законодательном регулировании деятельности искусственного интеллекта особое значение имеет гибкость подходов, установление особого правового режима, а не кардинальные изменения существующего.

Глава 3. Оценка выработанных предложений о международно-правовой охране произведений, созданных искусственным интеллектом, принятых в рамках дискуссии ВОИС.

Международная организация ВОИС на протяжении все своей деятельности преследует цель поддерживать эффективную работу в области охраны интеллектуальной собственности, своевременно отвечая на вызовы современности. К примеру, Бернская Конвенция 1886 года неоднократно пересматривалась с момента ее принятия и вплоть до 1971 года.

Так, причиной одного из пересмотра старейшей Конвенции в области

охраны авторских прав послужили новейшие технологии репрографии, позволявшие копировать аудиовизуальные произведения, и распространение компьютерных программ и электронных баз данных⁸³. С учетом технологического прогресса объекты авторско-правовой защиты подвергались противоправному копированию и перезаписи, а новый объект – компьютерные программы и базы данных и вовсе находились вне правовой охраны. В связи с этим международные организации ВОИС приняли различного рода акты: рекомендации, руководящие принципы и типовые положения, которые не носили обязательный для государств характер. Обозначенные документы представляют собой главным образом интерпретацию существующих международных норм. В связи с приведенным выше примером можно сделать вывод о том, что ВОИС и ее международные органы оказали значительное влияние на национальное законодательство тех государств, которые восприняли рекомендации ВОИС в новых областях.

В наши дни международная организация ВОИС стала организатором крупнейшей Дискуссии на тему «Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект», первый раунд которой был проведен 27 сентября 2019 года.

Обратим внимание на предложения участников о основные выводы по итогам первого раунда⁸⁴, которые показали наиболее примечательными для нас в контексте нашего исследования.

Генеральный директор ВОИС выделил семь аспектов, которые ВОИС признает в отношении искусственного интеллекта. К ним относятся: 1) глубокое влияние технологии на все сферы общественной жизни; 2) рост инвестиций со стороны крупных корпораций в сферу технологий искусственного интеллекта; 3) неравномерные возможности государств в развитии искусственного

⁸³ И.А. Блинец. Персонаж как объект авторско-правовой охраны в законодательстве России / И.А. Блинец, В.С. Витко. Москва: ЮРИСТ, 2022. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/other/xm2022-05-04.html/> (дата обращения: 15.03.2022). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁴ Summary of Conversation on Intellectual property (IP) and Artificial Intelligence (AI), organized by the World Intellectual Property Organization (WIPO). 27.09.2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_ai_ge_19/wipo_ip_ai_ge_19_inf_4.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

интеллекта и законодательном регулировании его разработки и использования;

4) широкое внимание средств массовой информации и общественности, которое вызывает развитие искусственного интеллекта, выражаемое как в удивлении, так и в озабоченности;

5) возросшее участие государств в разработке экономических стратегий, связанных с искусственным интеллектом, а также усилие государств в разработке политики и программ поддержки по внедрению искусственного интеллекта в наиболее нуждающиеся в новейших технологиях отрасли;

6) политика государств вокруг искусственного интеллекта носит широкий междисциплинарный характер, в том числе все чаще затрагивает вопросы интеллектуальной собственности;

7) помимо этого важно отметить и международный аспект данной политике, так как все законодательные предложения по урегулированию искусственного интеллекта должны быть совместимы для создания единообразной модели правового регулирования.

Таким образом, в речи генерального директора ВОИС было особенно отмечено растущее широкое междисциплинарное влияние искусственного интеллекта, что вызывает его инвестиционную привлекательность, в первую очередь, для крупных игроков бизнеса. Генеральный директор оценил работы государств по выработке политики по вопросам искусственного интеллекта, особенно по вопросам интеллектуальной собственности, и еще раз подчеркнул международный аспект для выработки нормативной совместимости политики государств по обозначенным вопросам.

Участники первого раунда на панельных дискуссиях обсудили вопросы патентования, авторского права, баз данных.

В первую очередь, участниками обсуждений была названа основная причина обладания технологии искусственного интеллекта большим потенциалом – охват последним широкого спектра областей. Возможности глубокого обучения изменяют многие области, такие как компьютерное зрение, анализ видео, аудио, текста и распознавание голоса, революционным образом. Более того, технологии искусственного интеллекта значительно стимулируют инновации.

1. Рассматривая вопросы патентного права, участники обозначили ряд проблем и пришли к следующим выводам. Так, перед участниками встал вопрос: подходит ли действующее патентное законодательство и принципы патентоспособности для охраны и использования изобретений, связанных или созданных искусственным интеллектом. По указанному вопросу прозвучала мысль, что нормативные положения об интеллектуальной собственности устарели в вопросах определения субъекта изобретателя. В то время как распространение искусственного интеллекта в изобретательской деятельности возрастает не меньше, нежели чем при создании им творческих произведений. Как заметил один из участников дискуссии, технологии развиваются невероятно быстро, но для создания законодательства требуется время, и законодателям трудно уследить за ним. Системы искусственного интеллекта также теперь могут изобретать новые устройства, и участники дискуссии разделили мнение о том, что такие новые устройства должны быть запатентованы и не могут быть отклонены только потому, что не существует изобретателя-человека. Участники привели в пример заявку в Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO), Европейское патентное ведомство (ЕПВ) и Ведомство интеллектуальной собственности Соединенного Королевства патентные заявки С. Талера на изобретения, созданные с помощью системы искусственного интеллекта DABUS. Подача указанных патентных заявок вызвала множество вопросов на предмет определения фигуры изобретателя.

2. Участниками были приведены в пример критерии патентной охраны разных юрисдикций. К примеру, в законодательстве Соединенных Штатов установлено императивное правило, согласно которому изобретатель является физическим лицом. Некоторые юрисдикции ссылаются на Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности, требуя, чтобы изобретатель был человеком, но Парижская конвенция фактически упоминает только право изобретателя быть названным таковым в патенте. В связи с этим участники заключили, что следует задать вопрос: отвечает ли действующее патентное законодательство принципам патентного права, а именно: поощрение

раскрытия идей и расширение общей базы знаний. Так, отсутствие законодательной возможности запатентовать изобретение искусственного интеллекта не способствует инновациям и созданию новых изобретений с участием технологий. Для решения этой проблемы было предложено два подхода: 1) признать искусственный интеллект изобретателем; 2) расширить понятие «изобретатель»: включить физическое или юридическое лицо, которое контролирует и несет ответственность за процесс изобретательской деятельности искусственного интеллекта. Второй подход был назван наиболее реалистичным вариантом, и мы, скорее, вынуждены с этим согласиться.

3. Участники дискуссии также обозначили проблему оценки патента по набору критериев, одним из которых является оценка изобретательского уровня в свете знаний специалиста в данной области. Однако возникает вопрос: если машина выступает изобретателем, то кто обладает такими навыками в этой области наравне с ней, другая машина? Так, при определении критериев патентной охраны участники дискуссии выделили подход Японии. Так, при определении патентоспособности изобретения применяется принцип, согласно которому машинное обучение определяется как самостоятельная техническая область, а анализ патентоспособности приближен к стандартным требованиям к изобретательскому уровню, применяемым ко всем типам изобретений. Этот подход соответствует позиции Международной ассоциации по охране интеллектуальной собственности (AIPPI) о том, что компьютерные программы должны быть патентоспособными, если они соответствуют традиционным критериям новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости.

4. В ответ на вопрос одного из участников о мерах по решению проблемы недостаточного раскрытия информации было указано, что требование о раскрытии информации при патентовании может быть частью более крупной проблемы подотчетности машин с поддержкой искусственного интеллекта и их разработчиков, и сослался на недавнюю инициативу под названием «объяснимый искусственный интеллект».

5. Участники дискуссии также упомянули этические вопросы, в частности

проблему конфиденциальности данных и необходимость того, чтобы ИИ служил общественным благам. Один из участников дискуссии заметил, что в будущем системы искусственного интеллекта будут взаимодействовать друг с другом с помощью данных, в связи с чем искусственный интеллект должен оставаться под контролем человека, чтобы приносить пользу обществу, уважать безопасность, конфиденциальность данных и, в конечном итоге, защищать мир и развитие во всем мире. Таким образом, мы согласны с тем, что нельзя допустить дискриминацию в отношении технологии, которая в будущем сможет создавать изобретения сама по себе, но она должна оставаться под контролем человека.

6. К вопросу о социально-экономических и этических аспектах использования технологий искусственного интеллекта один из участников дискуссии представил структуру под названием FATEN, в которой перечислены основные этические аспекты любой системы с поддержкой технологий искусственного интеллекта. К этическим аспектам взаимодействия человека и искусственного интеллекта были отнесены: 1) справедливость и недискриминацию при обучении искусственного интеллекта принимать решения; 2) человеческая автономия, подотчетность и расширение человеческого потенциала; 3) доверие и прозрачность к технологиям; 4) разнообразие и равенство; 4) невредоносность, то есть надежность, безопасность, и конфиденциальность при обработке и использовании искусственным интеллектом персональных данных. По нашему мнению, главная цель развития технологий заключается в раскрытии человеческого потенциала, а не замене человека роботом. Потому мы высоко оценили разработанная этическую программу, способствующую плодотворному взаимодействию технологий и человека.

7. Участник дискуссии упомянул о недавнем выпуске компанией Huawei официального документа о модели совместной ответственности за безопасность и конфиденциальность искусственного интеллекта (Thinking Ahead About AI Security and Privacy Protection), в котором содержится призыв к правительствам,

стандартным организациям, пользователям и отрасли достичь консенсуса и работать вместе для разработки нового кодекса поведения. Google также призвала правительства работать с гражданским обществом и заинтересованными сторонами над управлением искусственным интеллектом, а Microsoft выпустила свою версию этических принципов.

В целом все участники дискуссии согласились с тем, что международное сближение и усиление координации между регионами будут полезными и в конечном итоге должны привести к большей правовой определенности.

8. По вопросам, связанным с охраной авторских и смежных прав на произведения, созданные искусственным интеллектом, были обозначены следующие выводы.

По поводу творческой деятельности искусственного интеллекта участниками дискуссии было отмечено, что в настоящее время появился запрос на широкое определение интеллектуальной собственности без ограничений человеческим интеллектом. Искусственный интеллект уже продемонстрировал способность создавать произведения, обучаясь этой деятельности. В зависимости от входных данных, искусственный интеллект обучается создавать различные произведения. В этом случае главный вопрос заключается в том, как регулировать вопросы интеллектуальной собственности при совместной деятельности разработчиков и искусственного интеллекта как инструмента для создания творческих произведений.

9. Участники дискуссии отметили различие подходы в законодательстве об авторском праве различных государств. Так, в юрисдикциях по всему миру можно найти три подхода к авторству творений ИИ. Большинство стран, в том числе континентальная Европа, Австралия и Соединенные Штаты, требуют творческого потенциала человека в своих законах об авторском праве. Другие, такие как Великобритания, Ирландия, Южная Африка, Новая Зеландия и Индия, приняли формулировку Закона Великобритании об авторских правах на промышленные образцы и патенты (CDPA) и присудили авторство лицу, которое организовало созданную работу. Первоначально он был основан на

понятии «мастерство и труд» или «в поте лица». Япония, похоже, изучает систему, которая вознаграждала бы инвестиции, вложенные в создание произведения искусственного интеллекта. Вдобавок индийские суды предприняли попытку к гибкому тесту на креативность. В ряде решений отражалась мысль, что творчество должно уважаться, откуда бы оно ни исходило, и суды Индии выбрали небольшой тест на креативность. Священное Писание, реки и даже животные рассматривались судами как юридические лица для владения имуществом. Что касается категории авторства, то в соответствии с положениями индийского закона об авторском праве автором является лицо, взявшее на себя инициативу и ответственное за интеллектуальную деятельность, поэтому человек, проявляющий инициативу и ответственный за создание той или иной программы на основе технологий искусственного интеллекта, могут считаться авторами. Однако мы вынуждены констатировать, что суды светских государств не готовы так широко трактовать категорию субъектов творческой деятельности, потому мы лишь согласимся с тем, что законодательству большинства государств, где императивно восприняты положения Бернской Конвенции, не хватает понятийно-категориальной гибкости.

10. Участник дискуссии пришли к выводу, поскольку условия авторского права не позволяют предоставлять авторско-правовую охрану произведению, созданному искусственным интеллектом, может быть разработана специальная система *sui generis*. Если бы охрана была предоставлена произведению, созданному искусственному интеллекту, в соответствии с самыми современными условиями авторского права, связь с физическим лицом должна быть исключена или ослаблена, что полностью изменит систему авторского права.

Итоги второго и третьего раунда Дискуссии отражены в резюме от 4.11.2020 года⁸⁵. Мы обратили внимание на следующие предложения и выводы,

⁸⁵ Summary of Conversation on Intellectual property (IP) and Artificial Intelligence (AI), organized by the World Intellectual Property Organization (WIPO). 4.11.2020. URL: https://www.wipo.int/about-ip/en/artificial_intelligence/conversation.html (дата обращения: 12.03.2022).

прозвучавшие от участников Дискуссии.

1. В самом начале обсуждений: г-н Жан-Марк Дельторн, старший научный сотрудник Центра международных исследований в области интеллектуальной собственности Страсбургского университета, поднял проблему достижения консенсуса в отношении определения понятия искусственного интеллекта и других терминов, связанных с работой этой технологии. Г-н Делторн выделил основные факторы, которые осложняют достижение консенсуса. К ним относятся быстрое развитие технологий, которое затрудняет разработку теоретически нейтральных концепций, и неодинаковый принцип работы различных между собой типов технологий искусственного интеллекта, в основе которого лежат особенности обучения той или иной системы.

Участники поддержали заданную проблему и согласились с необходимостью выработки базового определения искусственного интеллекта, в затруднительных для этого условиях ускоряющегося развития технологий искусственного интеллекта.

2. Участники дискуссии выделили категории, которые также нуждаются в прояснении, а именно: 1) изобретение и производство, созданное с помощью технологии искусственного интеллекта (искусственный интеллект как инструмент); 2) изобретение и производство, созданное искусственным интеллектом без вмешательства человека, автономно. Без разделения результатов интеллектуальной деятельности человечество оказывается в ситуации несоответствий в правовой охране произведений и изобретений.

По этому вопросу докладчики по теме обсуждали, следует ли включать порог вмешательства человека, чтобы разграничить результаты, созданные искусственным интеллектом, и результаты, полученные с помощью искусственного интеллекта как инструмента творческой и изобретательской деятельности. В случае положительного ответа, дискуссия развивается следующим путем: может ли различие между результатами, созданными искусственным интеллектом самостоятельно, и результатами, созданными при

помощи искусственного интеллекта, быть обусловлено степенью вмешательства человека, а не его наличием или отсутствием. Здесь было доавлен довод о том, что для полного ответа на цепочку поставленных вопросов необходимо обращаться не только к юридической, но и технической оценке.

По поводу степени человеческого вмешательства, была обозначена трудность определения степени физического человеческого вмешательства. Один из выступающих предложил осторожно закреплять термин «при помощи искусственного интеллекта» законодательно ввиду расплывчатости формулировки, необходимости определить для этого степень вмешательства технологий.

3. Также было озвучено предложение создать три категории изобретений и результатов, связанных с искусственным интеллектом: 1) основные изобретения искусственного интеллекта, 2) изобретения искусственного интеллекта для конкретных целей и 3) результаты, созданные искусственным интеллектом. В качестве альтернативы было предложено создать исчерпывающее определение, в котором были бы перечислены все задачи, которые требуют вклада человека при создании искусственным интеллектом изобретений и произведений.

Участники констатировали, что при наделении изобретений, созданных при помощи искусственного интеллекта, патентоспособностью, концепции изобретателя и изобретательства должны быть пересмотрены.

4. С программной речью на третьей сессии Дискуссии ВОИС выступила г-жа Аманда Соллоуэй, член парламента, заместитель государственного секретаря, министр науки, исследований и инноваций Соединенного Королевства. Спикер отметила важность поиска точек соприкосновения и разработки общих стандартов, определений и подходов в сфере искусственного интеллекта. Единое представление в международной системе об искусственном интеллекте делает его предсказуемым в глазах инвесторов и бизнеса.

5. В Дискуссии также поучаствовал г-н Омар Султан Аль Олама,

государственный министр по вопросам искусственного интеллекта Объединенных Арабских Эмират. По мнению государственного деятеля, в пандемию COVID-19 цифровизация только ускорила темпы. Министр указал на четыре основные потребности в контексте интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта: 1) защита алгоритмов ИИ таким образом, чтобы это не влияло на действующую правовую охрану интеллектуальной собственности; 2) защита прав авторов алгоритмов искусственного интеллекта; 3) использование систем искусственного интеллекта для упрощения процесса подачи заявки на охрану патентов; 4) использование искусственного интеллекта для отслеживания неправомерного использования произведений и изобретений, обеспечение охраны интеллектуальной собственности.

6. Своими доводами поделился и г-н Ахмед Эльгаммал, профессор кафедры компьютерных наук Университета Рутгерса Соединенных Штатов Америки. В своем вступительном слове профессор поставил вопрос об определении фигуры творца в творческом процессе искусственного интеллекта. Он отметил, что при создании искусственным интеллектом произведения вклад человека может проявляться на различных этапах создания, таких как выбор входных и выходных данных на этапе обучения машины.

7. Ряд точек зрения участников Дискуссии из зала был сосредоточен на фундаментальном вопросе о том, следует ли вообще предоставлять авторско-правовую охрану произведениям, созданным искусственным интеллектом. Один участник заявил, что ни один из существующих режимов авторского права не может распространяться на произведения, созданные искусственным интеллектом, при доктринальных различиях по этому вопросу и дисбалансе между произведениями, созданными людьми, и произведениями, созданными искусственным интеллектом. Ряд участников высказались против предоставления охраны авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом. Также прозвучало мнение, что технический

характер человеческого вклада в создание искусственным интеллектом произведений в сочетании с механистическим характером алгоритмов искусственного интеллекта на данный момент не дает достаточных оснований для охраны авторских прав на произведения искусственного интеллекта. Таким образом, произведения, созданные искусственным интеллектом, должны быть в открытом доступе.

8. По словам одного из участников дискуссии вокруг проблемы установления авторства, работы, созданные искусственным интеллектом, основаны на человеческом творчестве. В таком случае, искусственный интеллект следует рассматривать как помощника или инструмент для автора-человека. По мере того, как некоторые алгоритмы искусственного интеллекта постепенно становятся способными создавать произведения автономно, другой докладчик предложил предоставлять произведениям, созданным искусственным интеллектом без участия человека на этапе их создания, смежные права.

9. В Дискуссии также прозвучало мнение, что причинно-следственная связь между вкладом человека-творца и созданием произведения с помощью искусственного интеллекта должна служить основным критерием для определения авторства на такие произведения.

10. Участники высказали мнение, что принятие преждевременного нормативного регулирования чревато риском сделать законодательство негибким из-за снижения его способности адаптироваться к будущим технологическим разработкам. Дополнительным риском служит различие между юрисдикциями, когда речь идет об авторстве и праве собственности на произведения, созданные искусственным интеллектом, что приводит к правовой неопределенности.

11. В выступлении г-на Юрия Зубова, заместитель руководителя Федеральной службы по интеллектуальной собственности РФ, были выделены четыре основополагающих принципа при разработке технологий искусственного интеллекта: 1) разработка с учетом интересов общества; 2)

наличие встроенных средств защиты от причинения вреда гражданам или юридическим лицам; 3) обеспечение полной прозрачности действий технологий, доступ к информации о работе алгоритмов искусственного интеллекта; 4) следование этическим нормам.

В целом, Дискуссия ВОИС на тему «Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект» на всех трех раундах характеризуется плюрализмом мнений. Плотная работа участников Дискуссии ВОИС в очередной раз продемонстрировала актуальность исследуемой нами темы, которая только возрастает под воздействием различных факторов (к примеру, пандемия COVID-19).

Давая оценку первому раунду Дискуссии, хотим отметить основной посыл Генерального Директора организации - широкое междисциплинарное влияние искусственного интеллекта, вызывающее его инвестиционную привлекательность. Что касается самих обсуждений, мы не обошли стороной приведенные участниками примеры различных концепций к творческой деятельности, отраженные в национальном законодательстве различных государств (США, Соединенное Королевство, Япония, Индия). Мы придерживаемся мнения, что сравнительное правоведение дает нам наиболее полную возможность создать первичное представление о текущей ситуации нормативного регулирования темы исследования в различных юрисдикциях. Рассматривая предложения участников по поводу предоставления авторско-правовой охраны произведения, созданным искусственным интеллектом, нельзя не отметить их озабоченность в полном отсутствии такой охраны на данный момент. Однако вынуждены признать, что в доктрине нередко встречается концепция *sui generis* для охраны произведений искусственного интеллекта. Однако на данный момент не обнаружено однозначных положительных доводов для изменений в законодательстве на ее основе (см. параграф 4 главы 2).

Участники высказывали полярные друг другу точки зрения по вопросам установления авторства на произведения, созданные искусственным

интеллектом. Представляется возможным выделить основные концепции, обозначенные участниками: 1) свободный доступ к произведениям, созданных искусственным интеллектом; 2) предоставление смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта. Нам также показалось особенно важным что неоднократно озвучивалось мнение о выделении произведений, созданных человеком с помощью искусственного интеллекта и произведений, созданных искусственным интеллектом автономно, количество которых с каждым годом только возрастает.

Тем не менее, по нашему мнению, в ближайшей перспективе исследователи еще не готовы прийти к единому мнению о том, что понимать под искусственным интеллектом, кто является автором произведений и изобретений автономных технологий, и какую правовую охрану следует таким произведениям предоставлять. Однако нам представляется, такая организация как ВОИС должна быть не единственной площадкой на межправительственном уровне для обсуждения обозначенных вопросов.

Заключение

Нами был проведено исследование по теме международно-правовой охраны произведений, созданных искусственным интеллектом, по вопросам определения понятия, природы и правового статуса искусственного интеллекта, а также степени разработанности нормативного правового регулирования в сфере интеллектуального права и искусственного интеллекта; обозначения объектов интеллектуальной собственности, создаваемых искусственным интеллектом, и критериев их правовой охраны; установления содержания авторского права на объекты интеллектуальной собственности, созданные искусственным интеллектом.

Таким образом, нами были разрешены задачи исследования, поставленные перед нами в самом его начале, что привело к достижению основной цели работы: оценке выработанных предложений о международно-

правовой охране произведений, созданных искусственным интеллектом, принятых в рамках дискуссии ВОИС.

Обобщая вышеприведенные выводы нашего исследования, хотелось бы особое внимание обратить на следующее.

Несмотря на предпринимаемые попытки мирового сообщества по разработке регулирования вопросов применения искусственного интеллекта, правовая регламентация искусственного интеллекта предстает перед нами в самом общем виде, либо по аналогии с известными и схожими объектами права. По этой причине содержание действующих нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы искусственного интеллекта, не имеют обязательного характера на универсальном уровне.

При рассмотрении основных теоретических концептов о возможности наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, а также имеющиеся на данный момент рекомендации к реформированию законодательства нами была отмечена неготовность науки и законодательства к наделению искусственного интеллекта правосубъектностью. Предположительно, вывод связан с возможным риском трансформации и искажения юридических категорий, таких как «субъект права», «правовое положение», «право- и дееспособность лица». Что касается общей характеристики приведенных концептов, на наш взгляд, они не отличаются детальной проработкой, содержат в себе неоднозначные выводы и требуют доработки с дальнейшим обсуждением в научных кругах, а также законодателями и правоприменителями.

Нами были названы основные положения об искусственном интеллекте, которые рекомендуется отразить при подготовке законодательной базы как на международном, так и на региональном уровне, к ним относятся: понятие, признаки, принципы, этика, государственное управление.

Давая характеристику сложившемуся на данный момент международно-правовому регулированию использования технологий искусственного интеллекта, нельзя не отметить вклад международных региональных

(Европейский Союз), международных универсальных организаций (ЮНЕСКО) при разработке Рекомендаций, адресованных регуляторам государств, транснациональных корпораций и других международных организаций. Отметим, такие акты носят рекомендательный характер и, скорее их можно было бы отнести к инструментам гармонизации. Особенно ценны разработанные Рекомендации тем, что предложила широкий перечень прицепов искусственного интеллекта и отчасти разрешили вопрос о регулировании этической стороны использования искусственного интеллекта.

При обращении к гуманитарным наукам, общему изучению понятия, уровней и типов творческой деятельности, нами был проведен анализ творческого вклада естественного и искусственного интеллекта. Так, мы пришли к выводу, на данный момент творчество искусственного интеллекта — это результат человеческого кода. Такое творчество не отличается осознанной самостоятельностью, не имеет творческого импульса, не вызывается приливом вдохновения или озарением.

При решении вопроса об отнесении произведения, созданного при помощи технологий искусственного интеллекта, к охраняемым объектам интеллектуальной собственности в правовом поле, нами было установлена необходимость установления критериев правовой охраны таких объектов в том или ином государстве.

Обобщая рассмотренные нами теоретические и практические доводы, мы привели перечень критериев, при наличии которых объектам, созданным искусственным интеллектом, может быть представлена авторско-правовая охрана. При проведении контрольной проверки на предмет охраноспособности объекта, созданного машинным интеллектом, мы пришли к выводу, что с учетом доктрины об авторском праве, объекты, созданные искусственным интеллектом, не отвечают критериям охраноспособности.

Нами были выделены основные субъекты, которые могут претендовать на авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом. Наиболее часто с практической точки зрения встречаются фигуры разработчика

алгоритма, способного имитировать творческую деятельность человека, и пользователя программы, в основу которой положен такой алгоритм.

Также при определении правообладателей и объема их полномочий на результат, созданный искусственным интеллектом, необходимо учитывать все особенности, а именно: степень технологической разработки алгоритма и принципы его работы, цели его создания; обстоятельства, при которых искусственный интеллект создает то или иное произведение. Тем самым, мы пришли к умозаключению, что при законодательном регулировании деятельности искусственного интеллекта особое значение имеет гибкость подходов, установление особого правового режима, а не кардинальные изменения существующего.

Давая оценку предложениям, высказанным на трех раундах Дискуссии ВОИС на тему «Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект» мы пришли к выводу, что в ближайшей перспективе исследователи еще не готовы прийти к единому мнению о том, что понимать под искусственным интеллектом, кто является автором произведений и изобретений автономных технологий, и какую правовую охрану следует таким произведениям предоставлять. Однако нам представляется, такая организация как ВОИС должна быть не единственной площадкой на межправительственном уровне для обсуждения обозначенных вопросов.

Библиографический список

Нормативно-правовые акты

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. 9 сентября 1886 г. в ред. 1971 г. // Бюллетень международных договоров, 2003, № 9, с.3-34.

2. Всемирная конвенция об авторском праве: Женева, 6 сентября 1952 г. (ратифицирована Постановлением правительства РФ от 03.11.1994 г. №1224) // Международные нормативные акты «ЮНЕСКО», – М., 1993.

3. Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г. Вступил в силу 6 марта 2002 г. // Официальная публикация ВОИС №226 (R). Женева, 1997.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (Часть 1). Ст. 5496.

5. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Стокгольм, 14 июля 1967 г. в ред. от 2 октября 1979 г. Публикация Всемирной организации интеллектуальной собственности. Женева, 1995 г. (на русском языке).

6. Соглашение о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность (Соглашение ТРИПС). Марракеш, 15 апреля 1994 г.: Программа ТАСИС Интеллектуальная Собственность Финансирована Европейской Комиссией., 1999.1. Научная литература.

Материалы судебной практики

7. Alfred Bell & Co. v. Catalda Fine Arts, 191 F.2d 99 (2d Cir. 1951).

8. CJEU, Case C-683/17 Cofemel - Sociedade de SA v. G-Star Raw CV. Judgment of the Court (Third Chamber) of 12 September 2019.

9. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (13.04.2022).

10. Nova Productions v. Mazooma Games. [2006] EWHC 24 (Ch); [2006] E.M.L.R. 14.

Специальная литература

11. Boden M.A. Computer models of creativity / M. A. Boden // Handbook of Creativity. R.J. Sternberg (ed.). Cambridge University Press. – 1999. – P. 351–372.
12. Boden M.A. Creativity and artificial intelligence / M.A. Boden // Artificial Intelligence. – 1998. – № 103. – 347–356.
13. McCarthy J. Programs with common sense / J. McCarthy // Proceedings of the Teddington Conference on the Mechanization of Thought Processes, Her Majesty's Stationery Office. – London. – 1959. P. 75-91.
14. Solum B.L. Legal Personhood for Artificial Intelligences / B.L. Solum // North Carolina Law Review. – 1992. – № 4. – S. 1262-1274.
15. Weitzenboeck E.M. Electronic Agents and the Formation of Contracts / E.M. Weitzenboeck // In: International Journal of Law and Information Technology. – 2001. – № 3 (9). – 204 p.
16. Авторское право и смежные права: учебник / И. А. Блинец, К. Б. Леонтьев; под ред. И. А. Блинеца; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. – Изд-во 2-е, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2015. – 452 с.
17. Архипов В.В. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Труды СПИИРАН. – 2017. – №6 (55). – С. 46-62.
18. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 25-42.
19. Буркова А. Использование искусственного интеллекта: нужно ли регулирование? / А. Буркова // Право и экономика. – 2018. – № 9. – С. 5-8.
20. Витко В.С. Анализ научных преставлений об авторе и правах на результаты интеллектуальной деятельности / В.С. Витко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. –2019. – № 3. С. 5-22.
21. Китаев-Смык Л. А. Факторы напряженности творческого процесса / Л. А. Китаев-Смык // Вопросы психологии. – 2007. – № 3. – С. 69–82.

22. Копылов А.Ю. Творчество как условие охраноспособности произведения / А.Ю. Копылов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 12 (219). – С. 56-62.

23. Крылов Н.Н. Искусственная мораль для искусственного интеллекта / Н.Н. Крылов, Е.Л. Панова, А.В. Алекберзаде // История медицины. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 259-271.

24. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А. Лаптев // Право. Журнал Высшей Школы Экономики. – 2019. – №2. – С. 79-102.

25. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо / П.М. Морхат // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. – С. 61-73.

26. Морхат, П.М. Правосубъективность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. Дис....д-ра юридических наук. – Москва, 2018. – 420 с.

27. Морхат, П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта: гражданско-правовое исследование: монография / П.М. Морхат. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 112 с.

28. Незнамов А.В. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем / А.В. Незнамов, В.Б. Наумов // Закон. – 2018. – №2. – С. 69-89.

29. Никитенко С.В. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития / С.В. Никитенко // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. – Том 1. – №2 (98). – С. 151-163.

30. Носкова Ю.Б. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций как способ интеграции национальной экономики Российской Федерации в мировое экономическое пространство / Ю.Б. Носкова, Н. М. Лупашко. Herald of the Euro-Asian law congress. – 2020. – №1. – С. 43-50.

31. Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – №1. – С. 91-109.

32. Пономарев, Я.А. Психология творчества / Я.А. Пономарев. – Москва: Наука, 1976. 304 с.

33. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учебник / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – Москва: Статут, 2017. – 367 с.

34. Ролинсон П. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом / П. Ролинсон, Е.А Ариевич, Д.Е. Ермолина // Закон. – 2018. – № 5. – С. 63-71.

35. Романов Г.В. Критерии охраноспособности произведения в авторском праве / Г.В. Романов // Российский юридический журнал. – 2021. – № 3 – С. 79-93.

36. Сесицкий Е.П. Охрана результатов, генерируемых системами искусственного интеллекта, в рамках существующего правового поля / Е.П. Сесицкий // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2018. – №11. – С. 49-55.

37. Сотой М. Код креативности: как искусственный интеллект учится писать, рисовать и думать / Маркус Дю Сотой; пер. с англ. Д. А. Прокофьева. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 384 с.

38. Спиркин, А.Г. Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин. – Москва: Политиздат, 1972. – 303 с.

39. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: регулирование в России, иностранные исследования и практика / И.А. Филипова // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 79-88.

40. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. – Москва: Проспект, 2019. – 240 с.

Электронные ресурсы

41. Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA (2017)005. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 01.03.2020).

42. Lifschitz V. Formalizing Common Sense: Papers by John McCarthy / V. Lifschitz // Ablex. – 1990. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/82689332.pdf> (дата обращения: 04.03.2020).

43. Oleksiewicz I., Mustafa E.C. From Artificial Intelligence to Artificial Consciousness: Possible Legal Bases. For the Humanrobot Relationships in the Future / I. Oleksiewicz, E.C. Mustafa // International Journal of Advanced Research. – 2019. – №. 3 (7). – URL: 10.21474/IJAR01/8629 (дата обращения 20.02.2020).

44. Summary of Conversation on Intellectual property (IP) and Artificial Intelligence (AI), organized by the World Intellectual Property Organization (WIPO). – 27.09.2019. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_ai_ge_19/wipo_ip_ai_ge_19_inf_4.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

45. Summary of Conversation on Intellectual property (IP) and Artificial Intelligence (AI), organized by the World Intellectual Property Organization (WIPO). – 4.11.2020. – URL: https://www.wipo.int/about-ip/en/artificial_intelligence/conversation.html (дата обращения: 12.03.2022).

46. Talimonchik V. The Prospects for the Recognition Legal Personality of AI / V. Talimonchik. – 2019. – URL: <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.83565> (дата обращения 12.11.2020).

47. Близнец, И.А. Персонаж как объект авторско-правовой охраны в законодательстве России / И.А. Близнец, В.С. Витко. – Москва: ЮРИСТ, 2022. – URL: <http://www.consultant.ru/law/review/other/xm2022-05-04.html/> (дата обращения: 15.03.2022). – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

48. Доклад ВОИС из серии «Тенденции развития технологий». Краткое изложение. – 2019 – URL:

https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_1055_exec_summary.pdf (дата обращения 17.10.2020).

49. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург: Печатный двор им. А. М. Горького, 2009. – URL: <https://www.litres.ru/> (дата обращения: 28.03.2022).

50. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года N 10. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 15.04.2022). – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

51. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 N 123-ФЗ: федер. закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 02.03.2020). – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

52. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

53. Проект Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта, утвержденный Генеральной Ассамблеей Юнеско / UNESCO [портал]. – 2021. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378931_rus (дата обращения: 12.01.2022).

54. Судебный процессор. Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере / Коммерсантъ [портал]. – 2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3466185> (дата обращения 18.11.2020).

55. Тренды патентного права: 3D-моделирование и искусственный интеллект / Гарант.Ру [портал] – 2018. – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/25-09-2018-garant-ru-trendy-patentnogo-prava-3d-modelirovanie-i-iskusstvennyu-intellekt#> (дата обращения: 02.04.2022). – Режим доступа: Гарант.Ру.

56. Харитонова Ю.С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта / Ю.С. Харитонова // Статут. – 2019. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=124852#REg1f5T8YkDN0B941> (дата обращения: 02.04.2022). – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».